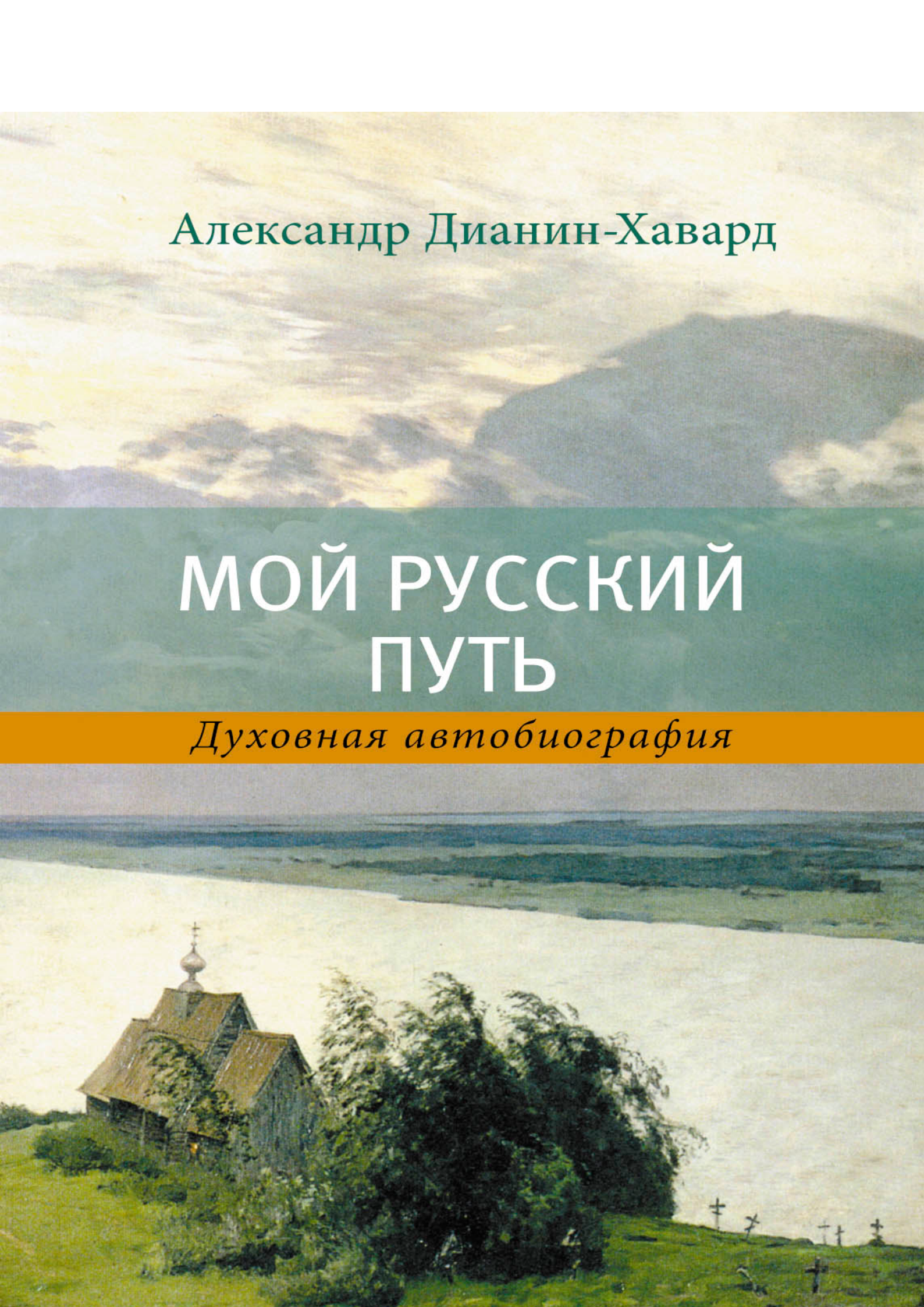

The background of the cover is a painting. The top half shows a dramatic sky with heavy, dark clouds and patches of lighter, yellowish light, suggesting a sunset or sunrise. Below the sky is a dark green horizontal band. The bottom half of the cover shows a landscape. In the foreground, there is a small, dark wooden church with a onion dome and a cross on top, situated on a grassy hill. To the right of the church is a large, dark, leafy tree. In the background, a wide body of water stretches to the horizon. On the right side of the foreground hill, there are several small crosses, indicating a cemetery.

Александр Дианин-Хавард

МОЙ РУССКИЙ ПУТЬ

Духовная автобиография

МОЙ РУССКИЙ ПУТЬ

Духовная автобиография

Александр Дианин-Хавард

Александр Кириллович Дианин-Хавард – автор системы и основатель Института Нравственного Лидерства. Родился и учился в Париже. Работал адвокатом в Страсбурге и Хельсинки. С 2007 года живет и работает в Москве. Преподает в Российских вузах и проводит семинары для топ-менеджмента Российских и зарубежных компаний. Александр Кириллович Дианин-Хавард – автор двух книг по лидерству: «Нравственное лидерство» (2008) и «Сотворённый для величия» (2012). Первая книга переведена на 15 языков. Александр Дианин-Хавард основал институты нравственного лидерства в Москве, Вашингтоне, Шанхае и Найроби.

Другие книги автора:

Нравственное лидерство (М., 2008)

Сотворенный для величия (СПб., 2012)

Редактор: Алла Калмыкова

МОСКВА 2014

© Басманный Форум/Институт Нравственного
Лидерства

ISBN 978-5-9905379-1-0

Содержание

<i>Предисловие</i>	6
1. Неистовые	9
2. Кроткие.....	17
3. Великодушные.....	34
4. Мученики.....	43
5. Русская идея.....	45
6. Призвание	52
7. Тбилиси.....	66
8. Эскрива	70
9. Войтыла и Соловьев.....	80
10. Париж	84
11. Хельсинки.....	89
12. Таллинн — Вильнюс	105
13. Миссия.....	113
14. Москва.....	119
<i>Заключение</i>	128

Предисловие

«Книги, написанные о себе, – замечает Николай Бердяев в своей автобиографии, – очень эгоцентричны... Автор вспоминает о других людях и событиях и говорит больше всего о себе... Книга эта откровенно и сознательно эгоцентрическая. Но эгоцентризм, в котором всегда есть что-то отталкивающее, для меня искупается тем, что я самого себя и свою жизненную судьбу делаю предметом философского познания»¹.

Бердяев – философ. Я – преподаватель. Как преподаватель *нравственного лидерства*² я не меньше русского философа осознаю необходимость самопознания. Без самопознания, без осознания своего призвания, своей миссии, своих талантов и слабостей – нравственное лидерство невозможно.

Всегда наступает время в жизни, когда необходимо подвести итоги. Не для того только, чтобы благодарить Бога за Его милости и каяться в своих грехах. Но для того еще, чтобы глубже осознать свою *собственную сущность* и остаться верным ей до конца. Эта собственная сущность – не личный проект, а Божий предвечный замысел о каждом из нас.

Осмыслить свое прошлое – личное задание для каждого отдельного человека. Публиковать результаты подобного исследования необязательно. Но если друзья и

¹ Н. Бердяев, *Самопознание: Опыт философской автобиографии*. Предисловие. М., 1990.

² См. мои книги *Нравственное лидерство* (М., 2008) и *Сотворенный для величия* (СПб., 2012)

студенты об этом настоятельно просят и если придать этой работе оригинальную литературную форму, незачем отказываться.

Я решил не отказываться и приступил к работе.

Москва, август 2013 г.

«Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Антон Павлович Чехов, *Студент*.

1. Неистовые

Тбилиси, 1921 год. В грузинской столице коммунисты устанавливают новую власть. Арчил Гедеванишвили – студент. Ему 22 года. Он переживает за будущее своего народа.

В 1927 году политический режим значительно ужесточается. Арчил выбирает свободу. Он бежит из советского ада, оставив мать, сестру и двух братьев. Старшего брата, наряду с зятем, расстреляют в 1937-м. Младший брат пропадет без вести на фронте в 1942-м. С сестрой Арчил сможет встретиться лишь через 40 лет. Мать – он ее никогда больше не увидит.

Арчил Гедеванишвили – мой дед по материнской линии.

* * *

Гедеванишвили вошли в историю на вершине Голгофы в первом веке христианской эры. Так гласит предание.

Два брата, Гедеон и Элиоз, евреи родом из города Мцхета, старинной грузинской столицы, служат в римской армии. Они распинают своего соплеменника, который утверждает, что Он – Сын Божий. По жребию им достается Его бесшовный Хитон, сотканный Матерью, стоящей рядом – у Креста. После распятия, оставившего в их сердцах рану, которую никто не сможет исцелить, они покидают армию и возвращаются в Грузию.

Тремя веками позже, девушка с нежным именем Нино (Нина), родственница великомученика Георгия и племянница Иерусалимского патриарха, едет из родной Каппадокии в Рим. Вскоре, побуждаемая преемником апостола Петра, она решает отправиться в Грузию, чтобы проповедовать там Евангелие и найти Хитон Господень. С раннего детства она знает, что Хитон захоронен в Мцхете, в гробнице Сидонии – сестры Элиоза и Гедеона. Нине является Богородица, укрепляет ее решимость и вручает крест, сплетенный из виноградной лозы – знаменитый крест святой Нины, который она сохранит до смерти. Подвижнической жизнью, проповедью и чудесами Нина обращает в христианство свою новую родину.

В 334 году по ее совету в Мцхете, над гробницей Сидонии, строится первый грузинский храм – деревянная церковь Светицховели. Потомкам Гедеона и Элиоза – роду Гедеванишвили – поручено его охранять. Первый епископ Мцхетский – тоже Гедеванишвили. На нашем фамильном гербе изображены скрижали Завета с десятью заповедями (сначала мы исповедовали иудаизм), Хитон Христа, митра и скипетр, сабля и знамя, ключи от церкви.

* * *

В Париже в конце 1920-х годов Арчил Гедеванишвили добывает хлеб насущный тяжелым физическим трудом. Работая грузчиком при переезде одной высокопоставленной семьи на новую квартиру,

он знакомится с Мадлен Дюкрок, дочерью генерала французской армии...

Мадлен вне себя от любви к нему. Ее семья вне себя от бешенства: это же уму непостижимо – выйти замуж за иммигранта-чернорабочего, тем более что он не католик и не проливал свою кровь за Францию!

Арчилу придется ждать 10 лет, чтобы жениться на своей возлюбленной.

Это уникальная пара – пара с горячим нравом и мужественной волей. Пара, жаждущая величия.

Их направляет скорее интуиция, чем логика. Ими движет чувство собственного достоинства.

Все в этой паре свидетельствует о тесном единстве. При том что он – это сама Грузия, а она – сама Франция.

Это христианская чета. И они бедны.

Святая Нина, Апостол Грузии (ок. 280-335).
Нину называют «блаженной матерью»,
и к ней прилагается наименование
«равноапостольной».

Мадлен – женщина незаурядной искренности. Она думает вслух. У нее нет секретов.

Ее часто видят в церкви. Она учит меня молитве.

Мадлен... Я ее вижу на кухне, в фартуке. Она говорит громко, говорит за весь человеческий род. Она рассказывает нам о людях, которые своим мужеством и отвагой сделали Францию великой и удивительной державой. Рассказывает о Поле, своем брате, который погиб, сражаясь во второй битве на Марне в 1918 году. Ему было 28 лет.

Мадлен – дочь воина, она не терпит равнодушия, нерешительности, предательства.

Арчил воплощает собой мужскую нежность во всех ее оттенках. Когда он замечает нас, своих внуков, становится горячо от его ликующего взгляда.

Этот человек – патриарх. Когда я думаю об Отцовстве Бога, я думаю о своем грузинском дедушке.

Как сейчас вижу его в черкеске с изящными газырями, с закрепленным на поясе кинжалом. Его взгляд полон неизбывной скорби – скорби от того, что он навсегда разлучен со своей родиной и с теми, кого любит. Но какая гордость, какие достоинство и благородство в этом взгляде!

Для Арчила прошлое, настоящее и будущее – одно и то же понятие. В нем живет целый народ и его история. Арчил не «индивид», а личность: его жизнь нельзя

рассматривать отдельно, она не имеет смысла, если не укоренена в жизни других, если не увековечена существованием других.

Для Арчила руссоистский индивидуализм и картезианский рационализм – мерзость. Но этот человек любит Францию, особенно Париж. Париж для него – символ цивилизации.

В Париже он и умирает в 1971 году, сраженный лейкемией. Прежде чем покинуть нас, он исповедуется в своих грехах и причащается Тела и Крови Христовых из рук отца Эли Мелия, настоятеля православного прихода Святой Нины. Его последние слова обращены к дочери – моей матери: «Возвращайся в Грузию, как только страна освободится от коммунистического ярма, и позаботься о нашем народе».

Мне 9 лет. Мое страдание огромно, почти невыносимо. Ушел не дед – ушел отец. Он – основание, память и достоинство всего нашего рода.

Кафедральный патриарший собор Двенадцати
Апостолов в Мцхете.

Дедушка Арчил Гедеванишвили.
Тбилиси, 1911 г.

2. Кроткие

Среди моих предков по материнской линии главенствуют Гедеванишвили. В отцовской же ветви выделяются Дианины.

Павел Афанасьевич Дианин – первый в роду, о ком осталась память. С 1837 года он настоятель Преображенской церкви в селе Давыдово, что в 20 км на восток от Владимира. У него пятеро детей, все – мальчики.

Один из них, Александр, – мой прадедушка. Он занимается медициной и химией в Санкт-Петербурге. Он помощник профессора Александра Бородина.

Бородин не только химик, он еще и музыкант. Бородин – внебрачный сын князя Луки Гедеванишвили, т. е. приходится мне родственником, скорее всего.

Дианин приглашает его в Давыдово. И там, в избе, построенной Павлом Афанасьевичем для своих детей, три лета подряд Бородин пишет свою знаменитую оперу «Князь Игорь», музыкальный шедевр, основанный на самых глубоких русских народных традициях.

Бородин очарован личностью Павла Афанасьевича. В сентябре 1877 года, после первого летнего отпуска в Давыдове, он пишет Дианину: «Это такая воплощенная простота, доброта и теплота, какую я могу себе представить только в человеке, вышедшем из народа, но никогда не выходившем из народа. Сколько в нем врожденной, тонкой, настоящей

– не буржуазной европейской – деликатности, любезности, простоты без всякой принужденности, услужливости без низкопоклонства. Мы с ним жили душа в душу, хотя виделись, собственно, не особенно часто и много... А уж как он вас-то всех, т.е. детей своих, любит! Такого отца надобно поискать, да поискать! И при всем этом известная давыдовская замкнутость, сдержанность по части выражения чувств, застенчивость никогда не дают ему высказывать вполне, что он думает и таит. Заветные мысли прорывают... как бы случайно, против его воли, и выражаются не в словах, а в делах. Даже расспросы о вас он делает с какою-то осторожностью, окольными путями, как будто боится спросить именно о том, что его, очевидно, всего более интересует. С какой жадностью он выслушивает малейшие подробности, касающиеся каждого из вас. Хороший человек ваш папан!»¹

Бородин завораживает местность: «Давыдовом я доволен донельзя! Как здесь хорошо!.. Сколько ни жывал в деревнях, более здоровой и сухой местности решительно не видел. А леса, бор, пойма – ходи всю жизнь, не находишься, гуляй – не нагуляешься. А свобода-то! Свобода какая!»²

Александр Дианин женится на Елизавете, приемной дочери Александра Бородина. У них в 1888 году рождается сын Сергей. Его крестный отец – Николай Римский-Корсаков.

¹ Письмо от 17 сентября 1877 г. А. П. Дианину и М. Ю. Гольдштейну. Собр. писем А. П. Бородина, Том II; вып. 2. М., 1936. С. 168–172.

² Письмо от 13 августа 1877 г. А. П. Дианину. Собр. писем А. П. Бородина, Том II; вып. 2. М., 1936. С. 165–166.

В 1900 году Александру Дианину 49 лет. Он крупный ученый: в 1891 году он открыл химическое соединение *бисфенол-А* и скоро откроет реакцию конденсации кетонов с фенолами («реакцию Дианина»). С 1895 года он занимает должность ученого секретаря в Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга. Он носит звание генерала и чин тайного советника.

Но Александр Дианин не верен своей жене. Он влюбляется в Марию Хавард, 26-летнюю француженку, живущую в Петербурге уже пять лет. Она не оказывает сопротивления его любви. У них в 1903 году рождается сын Павел.

Павел Александрович Дианин, внебрачный сын русского отца и французской матери, узаконенный царем¹, – мой дедушка. Он живет с матерью в центре города, в доме №6 по Кирочной улице.

¹ Узаконить внебрачного ребенка в Российской империи дворянину можно было обратившись с личной просьбой к государю. Дианины – дворяне с 1894-го г.

Священник Павел Афанасьевич Дианин.
С 1840 года он служил настоятелем Преображенской
церкви в селе Давыдово.

В декабре 1918 года эпидемия «испанки» уносит жизни Александра Дианина и Марии Хавард. Павлу 15 лет. Он сирота. В стране Гражданская война. Повсеместно царит голод.

Ему спасает жизнь отец Жан Амудрю¹, католический священник прихода Лурдской Богоматери в Санкт-Петербурге: в консульстве Франции он получает для Павла французский паспорт, хотя Мария отказалась от французского гражданства для своего сына несколько лет назад. По паспорту больше нет Павла Александровича Дианина. Написано: Поль Хавард, рожденный от Марии Хавард и неизвестного отца.

Март 1919 года. Павлу 16. За несколько месяцев он потерял своих родителей, свое имя, свое гражданство. И он навсегда покидает свою родину.

¹ В 1935 г. он будет тайно рукоположен в епископы монсеньором Неве в храме Святого Людовика Французского в Москве и станет Апостольским администратором Ленинграда и Севера России. Советские власти вскоре узнают об этом назначении и тремя месяцами позже вышлют его из СССР.

Церковь Спаса Преображения в Давыдове.

Композитор Александр Порфирьевич Бородин.

Семейный дом Дианиных.

Прадедушка Александр Павлович Дианин.
Санкт-Петербург, 1900 г.

Прабабушка Мария Хавард.
Санкт-Петербург, 1900 г.

Дедушка Павел Александрович Дианин.
Санкт-Петербург, 1915 г.

На границе с Финляндией, на немецком военном посту, Павла задерживают. Он интернирован в лагерь в Териоки. Три недели спустя британская военная миссия, ответственная за разоружение немецких войск в Финляндии, освобождает узников и поездом особого назначения переправляет их в Турку, где они садятся на корабль, направляющийся в Стокгольм.

После длившегося целый месяц тягостного и беспокойного пути через Швецию, Норвегию и Англию Павел, обессиленный, прибывает в Париж.

В Париже Павел получает инженерное образование и изучает труды русского ученого Николая Жуковского, основателя аэродинамики. Он начинает свой собственный бизнес по производству промышленных вентиляторов.

Павел – упорный труженик. Он вынослив и настойчив. Его девиз: «Пока мяч не лопнет, он подскакивает».

Это человек большого ума. Он много слушает и мало говорит. К нему принято обращаться за советом.

Этому человеку, перенесшему невероятные страдания, трудно улыбаться, но он «кроток и смирен сердцем».

Я помню его в последние годы жизни. Он сидит за рабочим столом. Изучает в мельчайших деталях выдающиеся ходы лучших шахматистов XX века. Какая ясность, какое терпение, какое самообладание! Невыразимый покой исходит от всего его существа. Рядом с ним чувствуешь, что нет опасностей, которые нельзя преодолеть,

и нет кризисов, над которыми невозможно одержать победу.

В 1926 году он женится на Нине Аносовой, бежавшей из России в 1920 году с родителями и двумя сестрами.

Для Нины Павел, этот крайне сдержанный молодой человек, более привлекателен, чем офицеры Белой Армии, которые часто посещают ее семью на улице Мольера и ухаживают за ней и ее сестрами.

Нина родилась в один день с Павлом, 28 февраля 1903 года. Ее предки – непреклонные хранители «старой веры». В XVII веке, в период жестокого преследования старообрядцев российским самодержавием, они поселились на берегах Енисея в Сибири, а позже – в Саратове, на берегу Волги, где начали строить флотилию крупных судов для перевозки зерна. Там, в Саратове, и родилась Нина.

Аносовы – купцы первой гильдии, продолжатели ганзейских традиций новгородских купцов. Они патриоты, славянофилы, традиционалисты – религиозные и человеколюбивые. Все члены семьи носят архаичные или библейские имена. Деда Нины зовут Исая, ее отца – Ефим.

Ефим очень богат. Его молодая жена Елена Керн очень красива. Он женился на ней ради ее красоты. Она вышла за него ради его денег¹. У

¹ Самым романтичным и загадочным домом Саратова является особняк Э.Борея который находится на пересечении улиц Гимназической (ныне Некрасова) и Армянской (ныне Волжская). Построенный в 1901 г. в стиле модерн компактный особнячок со сложной многофасадной композицией и лоджией в виде замочной скважины просто завораживает. Первым

них две дочери, Ксения и Нина. Хотя мать лютеранка (ее предки – немцы из Померании, обосновавшиеся в России при Екатерине Великой), дети крещены в православии. В 1904 году, после пятилетнего супружества, Елена влюбляется в петербургского архитектора, носящего громкое имя Александр Легран (т. е. Александр Великий). Он француз, родившийся в России. Елена разводится с мужем и поселяется с дочками у Леграна в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове, на углу 4-й линии и Большого проспекта. Леграну 48 лет, Елене всего 23. У них рождается дочь Наташа. Ее крестят в лютеранстве.

В 1914 году семья покидает Санкт-Петербург и поселяется на юге России, на берегу Азовского моря, в Мариуполе, где Легран строит завод электрических кабелей, необходимых для военного арсенала. Там их застаёт революция и Гражданская война. После многочисленных перипетий и длинного и опасного бегства через кубанские степи они садятся на корабль в Крыму, в Феодосии, за шесть месяцев до окончательного разгрома Белой Армии.

Семья устраивается сначала в

владельцем особняка был купец Ефим Исаевич Аносов, правнук основателя знаменитого купеческого клана саратовских солепромышленников. Официально здание было записано на супругу хозяина Елену Александровну Аносову. В здании был установлен двигатель для электрического освещения. Благодаря красоте своей хозяйки дом был известен как “замок Елены Прекрасной”. После развода Аносовых особняк был продан П. И. Карепанову, который через год перепродал его представителю рода крупных саратовских мукомолов Александру Эммануиловичу Борелю. Советской властью особняк был национализирован. Ныне в Саратове он известен в первую очередь как городской ЗАГС (с 1961 года). В 2000-х годах здание, памятник градостроительства и архитектуры федерального значения, реставрировалось, после чего в нём разместилось Управление по делам ЗАГС Правительства Саратовской области.

Константинополе, затем в Марселе и наконец в Париже.

С самых ранних лет Нина сталкивается с очень разными влияниями. Отец Ефим – упорный в работе православный верующий, воспитанный в старообрядческой традиции. Мать Елена – легкомысленная лютеранка, верящая только в себя. Отчим Александр – католик, не верящий ни во что.

Ксения, с 12 лет отданная в Павловский институт благородных девиц, выйдет из него ревностной православной христианкой и убежденной монархисткой. Наташа изберет в качестве жизненной философии гедонизм. Нина проделает долгий путь к католической вере – она жаждет универсальности, – не отрицая при этом своих православных традиций.

Нина – сама нежность и чувствительность. Если Арчил оставил в моей памяти прежде всего свой взгляд, то память о Нине сохранила ее голос: голос ребенка, исходящий из детского сердца. Нина способна удивляться самым простым и привычным вещам и расчувствоваться по самому незначительному поводу.

Свободное время бабушка проводит за чтением Чехова, самого любимого своего писателя. В юности она мечтала стать учительницей в деревенской школе. Бог же захотел, чтобы я стал ее единственным учеником. Она передала мне язык и культуру своей страны и сыграла наиважнейшую роль в моем интеллектуальном образовании.

Бабушка Нина Ефимовна Аносова. Марсель, 1921 г.

3. Великодушные

У моих дедушек и бабушек все просто, хотя жили они бурной жизнью. У моих родителей все сложно, хотя жизнь у них была относительно спокойной.

Дело в том, что мир, родившийся из Второй мировой войны, – новый мир. В этом новом мире жить полноценной духовной жизнью – сложно.

К тому же легче быть иммигрантом, нежели сыном иммигранта. Иммигрант знает, откуда он. Сын иммигранта всегда в поиске своих корней, всегда в состоянии кризиса.

В этом новом мире и в этом незавидном статусе мои родители сражались прекрасно.

Моя мать Ирина – единственная дочь Арчила и Мадлен. Мой отец Кирилл – единственный сын Павла и Нины. Отец родился в 1929 году, мать – в 1938. Они познакомились в 1959 году в Париже, на встрече католической и православной интеллигенции, организованной в доме Нины и Павла. Спустя три месяца они повенчались. У них было трое детей: Степан, Александр, Мария.

Если у Арчила вся его сущность заключается во взгляде, если у Нины ее личность целиком выражается в голосе, то Ирину определяет улыбка. Моя мать дарит свою чудесную улыбку всем, кого встречает, особенно детям, подросткам, студентам. Все, кто помнят о

ней, помнят ее яркую и искреннюю улыбку. Мамина улыбка – это ее вклад в человечество.

Но она может и вовсе не улыбаться. Иногда на нее страшно взглянуть. Она судит, гневается и испепеляет с той же силой, с которой любит. Малейшее сомнение в искренности твоих намерений – и ты стерт в порошок. Но Ирина умеет просить прощения. Она извиняется с потрясающей нежностью и естественностью.

Для моего отца главное – *аутентичность*. Он мятежник и провокатор. Он не терпит общественных условностей и с большим наслаждением раскрепощает скованных мужчин и женщин – особенно мужчин. Он рассказывает все, что приходит ему в голову, – кстати и некстати.

Отец – инженер, но он никогда не работал инженером. Он бизнесмен – у него заводы по всему миру, но он мечтает преподавать историю и философию.

У моих родителей высокие гуманистические и христианские идеалы. Но имя Иисуса Христа у нас не произносится. А если кто-нибудь молится, то не вслух.

В нашем доме есть дыхание христианства, но нет его слов. Есть краски христианства, но нет его звуков. Слова и звуки я открою для себя позже.

Для нашего воспитания отец ведет нас в театр на «Преступление и наказание» и «Портрет Дориана Грея». Он ведет нас в кино на «Зеркало» Андрея Тарковского. Он везет нас

в Египет и Новый Орлеан. С трех лет он бросает нас в воду, учит плавать против течения, учит управлять яхтой и не бояться открытого моря. С ним мы встречаем бури в Атлантическом океане и бороздим тихие норвежские фьорды.

В море я безумно мечтал. В море я узнал самое важное.

В нашем воспитании есть требования и направление, но есть прежде всего свобода. Запрещены только мотоциклы и джинсы.

Нас учат делать то, что другие обычно не делают. Наши родители любят Францию, но не чувствуют себя французами и боятся стать французами.

Мы с братом и сестрой хорошие друзья. Степан старше меня на год, Мария на год моложе. Мы редко ссоримся, часто составляем совместные проекты.

Мать. Ирина Гедеваншвили с нашей сестрой Марией.
Пиренеи, 1967 г.

Отец. Кирилл Павлович Дианин-Хавард. Бретань, 1980 г.

Отец много работает. Его бизнес идет хорошо: он унаследовал его от своего отца Павла и, пойдя на большой риск, вывел на международный рынок. Его компания производит промышленные вентиляторы во Франции, в США, в Японии. Мы живем в просторной квартире в одном из красивейших парижских кварталов и проводим каждое лето на нашей прекрасной даче на Атлантическом побережье в Южной Бретани.

Парижская квартира, загородный дом, большой парусник – не только для нас. Они еще и для наших друзей, особенно для наименее обеспеченных из них. Летом наша семья словно увеличивается в три или четыре раза: место в доме есть для всех, будь то друзья детей или друзья родителей.

В 1986 году отцовское предприятие терпит крах. Японский конкурент подделывает его вентиляторы. Японские судьи, как правило, иностранцев не защищают. Министр внешней торговли Франции сделала все возможное для разрешения ситуации. Она даже посетила японский завод отца в префектуре Сидзуока на берегу Тихого океана. Напрасно.

Отец разваливается. Мать восстанавливает его. Жизнь продолжается.

В 1992 году, после падения советского режима, мои родители переезжают в Грузию. Тем самым мать выполняет последнюю волю своего отца. Ей 54 года.

В Абхазии идет война. В горах Сванетии беженцы нуждаются в гуманитарной помощи. Родители улетаю т туда на вертолете. Там, во

всеобщем хаосе, мама пропадает. Отец отыскивает ее в ночи, опустившейся на аэропорт Кутаиси. Врач растирает ее обмороженные руки и ноги. Он подходит к совершенно бледному отцу и шепчет ему на ухо: «Пульс – 27, я никогда не видел, чтобы кто-то выжил со столь слабым пульсом».

У Ирины Гедеванишвили проблемы с сердцем. Но служить своему народу она будет еще 20 лет.

Она умирает 26 мая 2011 года в Кахетии, на рассвете, в день национального грузинского праздника. Умирает недалеко от Бадбийского монастыря, где покоятся мощи святой Нины с 347 года. Заупокойную литургию служит на грузинском языке польский священник в католическом кафедральном соборе Тбилиси. Похороны ведет на русском испанский священник, региональный викарий *Opus Dei* в России, в сопровождении православного хора. В Париже панихиду служит отец Арчил, настоятель прихода Святой Нины, в греческом православном кафедральном соборе. Грузинский храм слишком маленький для этого события.

Моя мать... Я ее вижу в длинном бархатном вишневом платье с черным ремешком на талии и изысканным золотым медальоном на шее. На медальоне – святой Георгий Победоносец, поражающий дракона.

Отец выясняет судьбу своих родственников в России. После 1923 года у нас не было вестей о Сергее Дианине, сыне Александра Дианина и Елизаветы, приемной

дочери Бородина. Павел впервые встретился со сводным братом на похоронах отца в декабре 1918 года. После отъезда Павла во Францию они вели активную переписку. Но с ужесточением советского режима пришлось ее прекратить, чтобы не навлечь на Сергея опасность.

В 2002 году я начинаю поиски. В Интернете я читаю: «Дианин Сергей Александрович (1888, Петербург – 1968, с. Давыдово) – советский музыковед и математик. Отец Д. – ученик А. П. Бородина, доктор философии и химик А. П. Дианин, мать – Елизавета Гавриловна, приемная дочь композитора. В 1915 окончил физико-математич. ф-т Петерб. ун-та, опубликовал неск. работ по муз. акустике. Деятельность Д. посв. изучению биографии Бородина, его творчества и эпистолярного наследия. Д. подготовил к печати капитальный труд “Письма А. П. Бородина” (в. 1–2, 1927–28; 1936; в. 3–4, 1949–50), в к-ром собраны и опубликованы (некоторые впервые) с обширными комментариями все письма и муз.-критич. статьи композитора. Работа Д. “Бородин” включает, помимо биографии, раскрывающей мн. факты жизни А. П. Бородина, остававшиеся неизвестными, ок. 150 писем, адресованных композитору, а также др. ценные материалы и документы. Сочинения: Бородин. Жизнеописание, материалы и документы, М., 1955, 1960, пер. на англ. яз., Oxf., 1963)».

В Интернете есть информация о другом Сергее Дианине: «Родился в 1965 году в Москве. В 1988 году окончил Московский авиационный институт. Генеральный директор компании “Рольф Лизинг” (группа «Рольф»),

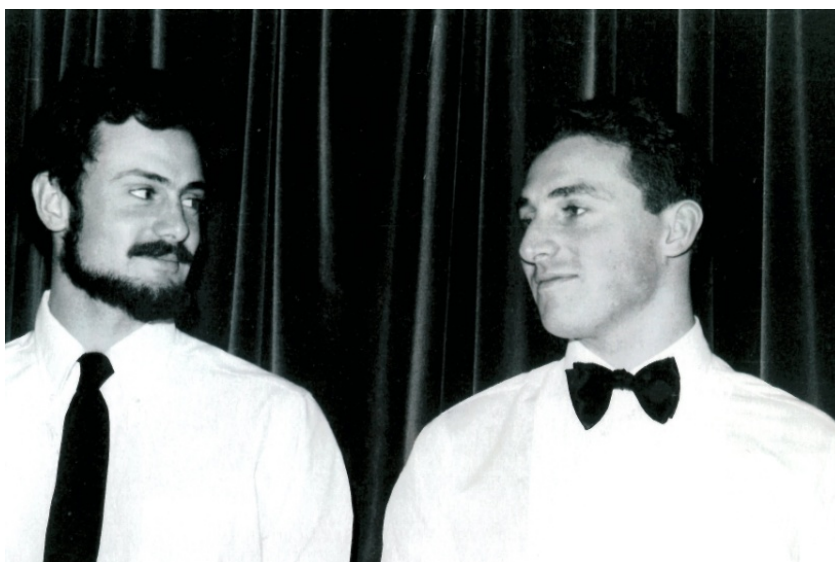
специализирующейся на автолизинге». Пишу в МАИ, мое письмо передают Сергею. Он сразу отвечает, мы встречаемся в Москве. Мы, скорее всего, родственники. Сергей Юрьевич Дианин будет помогать в поисках.

Узнаем следующее: Сергей Александрович Дианин вместе с женой и сыном переехал в семейный дом в Давыдово перед Второй мировой войной и прожил там до своей кончины в 1968 году; его сын умер от туберкулеза в 1943 году, а значит, мы единственные потомки Александра Дианина, химика; в 1980 году по завещанию Сергея Александровича семейный дом Дианиных стал музеем Александра Бородина – единственным в мире музеем великого композитора.

В 2005 году мы с Сергеем Юрьевичем Дианиным и его женой Наташей отправляемся в Давыдово. Директор музея потрясена. Она не знала о существовании Павла Александровича Дианина: чтобы избежать неприятностей, Сергей Александрович никогда не рассказывал жителям Давыдова о своем сводном брате, живущем во Франции.

В музее две большие комнаты: первая посвящена Бородину, вторая – Дианиным. В ней, помимо портрета Павла Афанасьевича, общего предка и первого священника села Давыдова, сейчас висят фотографии Павла Александровича, моего дедушки, и Кирилла Павловича, моего отца.

Жизнь в Давыдове идет своим чередом, и центр этой жизни – внушительная Преображенская церковь, которую большевики, по милости Божией, не разрушили.

С братом Степаном (слева). Париж, 1980 г.

4. Мученики

Окунемся в 1975 год. Мне 13 лет. Запад переживает «кризис Церкви». Христианство – само христианство, а не только его храмы – разрушают, «взрывают» известные священники, епископы и кардиналы, которые утратили веру, но по дьявольскому наущению остаются в Церкви, чтобы уничтожить ее изнутри.

Один из наших школьных учителей, решивший спасти нашу христианскую идентичность, приглашает группу специалистов рассказать нам о гонениях на верующих в СССР. Нам показывают слайды разрушенных и взорванных церквей, на этот раз в прямом смысле слова. Нам показывают фотографии *психушек*, где «лечат» христиан, упорствующих в вере. Нам показывают портреты мучеников – православных, католиков, протестантов, – истерзанных за верность Евангелию.

На перемене, вместо того чтобы побежать с ребятами играть в футбол, я укрываюсь в углу школьного двора. Я чувствую сердцем и телом, как некто незнакомый овладевает моей душой. Я больше не прежний. Я испытываю огромную скорбь и огромную радость. Меня охватывает Святой Дух, Он пробуждает и встряхивает меня. Но я ничего не знаю о Святом Духе.

Мученики вошли в мою жизнь подобно стреле, пронзающей тело.

В западном мире, который обрушивается

под грузом материализма, легкой жизни и ненасытной жажды удовольствий, мученики станут моим спасением. Христианство для меня – уже не тот разлагающийся труп, что я вижу повсюду вокруг себя. Христианство – это всепобеждающий Крест, высящийся над Голгофой XX века. Это ярко-красная кровь верности милосердию и любви Божией.

Мое христианское воспитание минимально. Дома о Боге не говорят. В школе говорят, но никто не знает, о чем идет речь: нас не учат христианской вере и нравственности. Про добродетели и заповеди молчат. Я знаю, что есть три важных понятия: вера, надежда и любовь. Но то, что о них рассказывают, неубедительно: это всего лишь политическое пустословие.

Мученики. Я смотрю на них, только на них и повсюду ощущаю их присутствие и поддержку.

5. Русская идея

Школа для меня – ад. Несмотря на огромные усилия, по всем предметам я *предпоследний* в классе. Я силен только в плавании – в плавании я первый.

Я учу английский, но мне не разрешают взять немецкий вторым языком. «Для идиотов у нас испанский, а не немецкий!» – вот что я слышу. Моя мать, раньше преподававшая испанский, в панике. Она прибегает в школу: «Мой сын будет учить немецкий! Испанскому я сама могу его научить!» Она побеждает. Я учу немецкий.

Мне плохо дается латынь. Этот язык мне отвратителен: никто не старается правильно произносить латинские слова под предлогом, что никто не знает, как их надо произносить. В наказание вместо латинского языка меня заставляют изучать технологию. На этот раз мать отступает.

Родители волнуются за мое будущее.

Видя, как я люблю рубить деревья и косить траву, они уже решили: я буду садовником.

Однажды я прошу бабушку Нину почитать мне что-нибудь по-русски. Она радостно улыбается и выбирает рассказ Чехова «Студент».

Вечер Страстной пятницы, холодно, опускается ночь. Студент духовной академии

возвращается с охоты и останавливается погреться у костра, разложенного в поле. Рядом – две вдовы, мать и дочь, Василиса и Лукерья. Он беседует с ними, рассказывает о событиях, происшедших в Страстную пятницу во дворе первосвященника, когда предали Иисуса.

– «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, – сказал студент, протягивая к огню руки. – Значит, и тогда было холодно. Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!»

Студент рассказывает об отречении Петра и о том, как он горько плакал. «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам». Студент подумал, что «если она заплакала, то, значит, всё, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение».

Затем студент продолжает путь к себе домой. Автор описывает пейзаж ранней весны, оттепель, чувства, охватывающие студента на дороге.

«Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнула другой...

И чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»¹.

Нет действия, нет интриги, но Чехов вложил в четыре страницы этого рассказа всю красоту и всю правду, какую только мог.

Когда бабушка читает, я ничего не понимаю, но улавливаю ее необычное волнение и счастье, и решаю выучить русский язык. Она будет моим учителем.

Русский язык освобождает мой ум. Я начинаю интересоваться книгами. Я читаю произведения, которые захватывают меня, произведения, сильно отличающиеся от тех, что нас заставляют читать в школе.

В русской литературе меня поражает ее нравственное и христианское содержание. Она обращена к сердцу читателя, она стремится пробудить самое благородное в нем. Она пытается изменить его.

Новый мир распахивается перед моими глазами. Мир, в котором бытие не сводится к

¹ А. Чехов, *Студент*. Собр. соч. Том 7. Повести и рассказы (1888–1891). М., 1956.

мышлению.

Я читаю Чехова, который кажется «внеморальным», потому что описывает голые факты, оставаясь безучастным. Но за этой кажущейся нейтральностью бабушка помогает мне обнаруживать беспощадное осуждение той ностальгии и меланхолии, которые, будучи замечательными качествами у людей с мужественной волей, являются настоящими пороками у людей незрелых. Чехов требует искренности в чувствах, он требует действия, которое должно из нее вытекать.

Я читаю Достоевского, который открывает мне глаза на положение в мире – на бесов, окружающих нас, на борьбу, протекающую на небе и на земле, на противоречия и драму атеистического гуманизма. После чтения Достоевского я понимаю, что золотой середины не может быть: надо быть *за* Христа или *против* Христа.

Я читаю Толстого. Меня очаровывает его борьба против общественной безучастности многих христиан. Толстой расширяет мой кругозор: опасность приходит не снаружи – от открытых врагов христианства, – но изнутри: от половинчатого христианства, которое не является ни солью земли, ни светом миру. Я понимаю, что атеистический гуманизм – не только плод извращенного философского мышления, но и следствие отсутствия истинного христианского гуманизма.

Я обнаруживаю совершенно удивительную вещь: «русскую идею».

Русские стремятся познать предвечный

Божий замысел о своем народе. Они стараются постичь свою собственную *соборную* сущность. Они убеждены, что у них важная миссия, которую надо осуществлять в Европе и в мире. Их больше всего интересует философия истории.

Я читаю Петра Чаадаева: «Есть великие народы, – как и великие исторические личности, – которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная логика Провидения: таков именно наш народ... У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить бóльшую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»¹. «Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы»².

Я читаю Владимира Соловьева: «Внешний образ раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения»³.

Я читаю Николая Бердяева: «Гуманистическая культура принадлежит к промежуточному историческому процессу... Но

¹ П. Чаадаев. *Апология сумасшедшего* (1837). М., 2006. С. 167 и 175.

² П. Чаадаев. Письмо И.П. Тургеневу (1855). Т. 2. С. 97–99.

³ В. Соловьев. *Три силы* (1877).

русский народ – это народ конца»¹.

Чаадаев, Соловьев, Бердяев – вот авторы, которые в силу своей глубокой христианской веры ненавидят всякий национализм и всякий провинциализм. Вот настоящие патриоты: они любят свою родину в истине, не испытывая потребности унижать другие народы и отрицать реальность своей истории, столь часто трагичную.

У Чаадаева есть незабываемые слова: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине... Не через родину, а через истину ведет путь на небо... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее»².

Чаадаев, Соловьев, Бердяев – вот мыслители, сильно повлиявшие на мое мировоззрение.

Русская идея. Кажется, она была недавно подтверждена пророческими словами Пречистой Девы в одном из Ее знаменитых явлений в Меджугорье, в Боснии и Герцеговине, в октябре 1981 года: «Русский народ в будущем прославит Бога больше всего. Запад продвинул цивилизацию, но он действует без Бога, действует, словно он свой собственный творец»³.

¹ Н. Бердяев. *Русская идея* (1946). Гл. VI.

² П. Чаадаев. *Апология*... С. 162 и 174.

³ R. Laurentin and R. Ljudevit. *Is the Virgin Mary appearing at Medjugorje: An urgent message for the world given in a Marxist country*. Washington, D.C., The Word Among Us Press, 1984, p. 80.

Долгие дни я провожу с бабушкой Ниной. Она рассказывает мне совершенно удивительные вещи о своей петербургской молодости, о России, о ее бегстве с семьей во время Гражданской войны, о моем дедушке Павле, который никогда никому не рассказывает свою историю. Только Нина, его супруга, знает ее.

6. Призвание

Бабушка Нина глубоко, искренне почитает Архангела Михаила. Едва я появился на свет, она добилась от моих родителей, чтобы меня назвали не только Александром, в честь Александра Дианина, но и Михаилом, в честь Архангела.

Она заказывает русскому художнику икону Предводителя Небесного Воинства и дарит мне ее на 15-летие. Я вешаю икону у себя над кроватью.

Очень скоро Нина обнаруживает, что одного Михаила недостаточно, чтобы меня охранить. На следующий день рождения она дарит мне огромное изображение Архистратига всех сил Небесных. В своих доспехах и с мечом в руке этот второй Михаил похож на самурая. Каждый раз, выходя из комнаты, я встречаюсь с ним взглядом.

* * *

На дворе 1979 год. Мне 17 лет. Через несколько месяцев я окончу среднюю школу.

Я должен выбрать карьеру. Это меня не волнует. Меня волнует другое, а именно: что я сделаю со своей жизнью? Какое направление я ей дам? Я понимаю, что, если я не сделаю этот выбор сейчас, его сделают за меня другие: родители, друзья, девушки, с которыми я общаюсь, французское общество с его лозунгами и предрассудками.

В отроческие годы я много мечтал и на многое надеялся. Я знаю, какой хочу видеть свою жизнь.

И вот мне предлагают жить как все: получить хорошее образование, найти красивую жену и сколотить состояние в отцовском предприятии!

Я в ужасе. Мне грустно до смерти. 1979 год – самый мучительный год в моей жизни.

Говорю с родителями. «Это подростковый кризис, сынок!»

Я их не виню. Иду своим путем – в одиночку. Я укрываюсь в Сакре-Кер на Монмартрском холме. В Сердце Иисуса¹ я нахожу утешение и поддержку.

Я закончил гимназию. В награду родители предлагают мне поездку за границу. Я выбираю Святую Землю.

В Святую Землю я еду в поисках света. Нахожу его в пустыне, между Иерусалимом и Иерихоном.

Это неожиданный свет, говорящий: «Доверься Мне».

Мое путешествие заканчивается на Красном море. На парусной доске².

Осенью 1980 года я начинаю учебу на юридическом факультете Университета им. Рене Декарта. В аудитории – свыше трехсот студентов. Вскоре у меня появляется несколько

¹ Базилика Сакре-Кер посвящена Святейшему Сердцу Иисуса, что отражено в ее французском названии. Этот католический храм, построенный в 1876–1914 гг. в римско-византийском стиле, расположен на вершине холма Монмартр, в самой высокой точке города (130 м).

² Парусная доска – официальное название спортивного снаряда для виндсерфинга.

новых друзей. Я записываюсь в клуб французского бокса¹, куда уже несколько лет ходит мой брат Степан, студент медицинского факультета.

После смерти дедушки Павла я собираюсь обосноваться у бабушки Нины. Утром я изучаю право в университете, вечером занимаюсь с Ниной русским языком.

В маленьком саду у дома растет большая береза, посаженная моим дедом уже очень давно. Летом в тени этой березы я ставлю свой рабочий стол.

* * *

Апрель 1981 года. 11 часов утра. Аудитория заполнена. Нам сообщают, что преподаватель уголовного права опоздает на полчаса. Я достаю из портфеля книгу Рихарда Вурмбрандта, которую я недавно купил у букиниста на набережной Сены.

Вурмбрандт – румынский писатель еврейского происхождения. В молодости он был марксистом, изучал политологию в Москве. В 1938 году он обращается в христианство. В 1945-м он лютеранский пастор в Бухаресте, где проповедует Евангелие солдатам Красной Армии. В 1948 году он арестован коммунистической полицией и приговорен к 20 годам тюрьмы. В 1964 году норвежские протестанты вызволяют его из Румынии. В эмиграции Вурмбрандт посвящает свою жизнь

¹ Сават (французский бокс) – французское боевое искусство, в котором используются в равной мере и руки и ноги, комбинируя элементы западного бокса и удары ногами.

защите христиан, гонимых в коммунистических и мусульманских странах.

Мне нравятся книги Вурмбрандта. Этот человек, которого 14 лет жестоко терзали коммунисты, любит своих врагов. Он молится за них, за их обращение. В его сочинениях нет горечи. Только радость от того, что он пострадал за Христа. Более того, Вурмбрант восхищен русским народом: «Проповедовать Евангелие русским, – пишет он, – это небо на земле. Я обращался к людям, представителям многочисленных наций, но я не видел народа с такой жаждой Евангелия, как русский народ»¹.

Едва я открыл эту книгу, в которой Вурмбрант свидетельствует о силе благодати Божией и ее победе над силами зла, как подходит ко мне студент и спрашивает, что я читаю. Мы разговариваем. Максим – так его зовут – вскоре становится мне хорошим другом.

Мы занимаемся вместе.

У Максима в жизни есть два больших увлечения: Брюс Ли (великий мастер кунг-фу) и Дева Мария. Часто после занятий мы идем либо в кино – на Брюса, либо в Собор Парижской Богоматери – к Марии.

Максим учит меня размышлять над Евангелием каждый день и беседовать с Богом, как сын беседует со своим отцом. Раз в месяц он зовет меня навестить, по его выражению, «нищих Богоматери» – престарелых, страдающих от одиночества.

Однажды он приглашает меня в центр

¹ R. Wurmbrand, *Tortured for Christ*. Hodder & Stoughton Ltd, London 1967.

Opus Dei около улицы Моцарта и знакомит меня с Ксавье, директором центра. Ксавье на 20 лет старше нас. Он профессор истории в Сорбонне и всемирно признанный эксперт по мексиканской революции.

Ксавье рассказывает мне о Хосемарии Эскриве, основателе Opus Dei, и о его учении. Речь идет о том, чтобы искать Христа в повседневной жизни: на работе, в семье, в общественных отношениях. Мир – не препятствие к христианской жизни, напротив, это место встречи со Христом и единения с Ним.

Opus Dei – это обожение повседневной жизни, это полнота богосыновства в мире. Я должен оставаться на своем месте, продолжать заниматься тем, чем занимаюсь сейчас, но придать своей работе новый смысл.

Святость для всех – вот нечто глубоко евангельское! Святость как жизненный идеал. Я никогда не думал об этом. Однако речь идет о цели, логичной и естественной для христианина.

В Центре Opus Dei я встречаю студентов из разных университетов и вузов. Мы очень естественно говорим обо всем и ни о чем и занимаемся вместе в читальном зале.

В этом доме есть красивая часовня со Святыми Дарами, и есть молодой священник. Мы с ним часто разговариваем с глазу на глаз. Он спрашивает, добросовестно ли я учусь. Посвящаю ли я каждый день некоторое время размышлению над Евангелием и общению с Богом. Пытаюсь ли я приблизить к Богу всех, кого встречаю на жизненном пути. Это не

допрос: он направляет меня в размышлениях и самопроверке.

Центр *Opus Dei* производит на меня впечатление. В нем я чувствую себя *дома*.

13 мая 1981 года. Кто-то стрелял в Папу Иоанна Павла II. Его состояние критическое.

Впервые в жизни я молюсь за Папу. Впервые мое сердце устремляется к Папе. Еще вчера я ничего не знал о нем и не интересовался им.

Это годовщина первого явления Богородицы в Фатиме, в Португалии, в 1917 году. В Фатиме Она говорила о России. И говорила о Папе.

Я и не подозреваю, что Иоанн Павел II сыграет весьма важную роль в моей жизни.

Декабрь 1982 года. Прошло полтора года с моей первой встречи с *Opus Dei* и со дня покушения на Иоанна Павла II. Я продвигаюсь в учебе. Продвигаюсь и во внутренней жизни.

Дучо, профессор итальянского языка в Сорбонне, с которым я уже некоторое время обсуждаю мою духовную жизнь, просит меня серьезно подумать о моем призвании. Он считает, что я готов принять решение, определяющее все мое дальнейшее существование. Он убежден, что *Opus Dei* – мой путь. Просто, без лишних слов он описывает перспективу безоговорочного предания себя Богу, пока мы подходим к знаменитой французской святыне на Рю дю Бак.

Мы входим в часовню, построенную на месте явления Богоматери святой Екатерине Лабуре в 1830 году. Во время явления Пречистая

Дева стояла на земном шаре, попирая Змия. Ее пальцы были украшены драгоценными кольцами, из которых на земной шар исходили лучи света. Владычица сказала Екатерине: «Лучи света – это символ благодати, которую Я щедро даю тем, кто просит Меня о ней. Кольца, которые не изливают лучей, – символ благодати, которую у Меня забывают попросить». Вокруг Богородицы – слова: «О, Мария, без первородного греха зачатая, молись о нас, к Тебе прибегающих». Вдруг «табличка» со словами перевернулась. Екатерина увидела большую букву «М» – знак имени Мария, на которой стоял Крест. Ниже два сердца: Сердце Иисуса, увенчанное тернием, и Сердце Марии, пронзенное мечом. Вокруг – 12 звезд.

Еще до того как мы с Дучо поговорили о моем призвании, я собирался съездить в Фатиму с Оливье. Оливье – друг детства, того трудного детства, когда я был предпоследним в классе. А Оливье – последним¹.

26 декабря мы отправляемся в Португалию на автобусе. Выходим в Эстремосе и неделю идем пешком – или едем автостопом – до Лиссабона, затем до Фатимы. Спим в палатке.

¹ Впоследствии Оливье добьется больших успехов в гостиничном деле. Он сейчас генеральный секретарь англо-французского клуба «Трэвеллерз», расположенного на Елисейских Полях, 25, в старинном доме маркизы де Пайва.

Икона Фатимской Богоматери «Тобою Единство».

Фатима. С 13 мая по 13 октября 1917 года Приснодева шесть раз является троим пастушкам – Люсии, Жасинте и Франсишку.

13 июля Богородица показывает им преисподнюю и говорит: «Вы видели ад, куда попадают грешники. Чтобы спасти их, Бог хочет установить в мире почитание Моего Пренепорочного Сердца. Если то, что Я вам скажу, будет исполнено, многочисленные души спасутся, и наступит мир. Война скоро закончится. Но если люди не перестанут оскорблять Бога, то при Папе Пии XI начнется новая война, хуже этой... Чтобы не допустить этого, Я приду просить о посвящении России Моему Пренепорочному Сердцу... Если прислушаются к Моей просьбе, Россия обратится и наступит мир. Если нет, то она распространит свои заблуждения по всему миру, вызывая войны и гонения на Церковь. Святой Отец будет много страдать, праведники примут мученическую смерть, целые народы будут уничтожены. В конце концов, Мое Пренепорочное Сердце восторжествует. Святейший Отец посвятит Мне Россию, она обратится, и мир будет дарован миру на время»¹.

Люсия рассказывает о том, что случилось потом: «Мы увидели Ангела с огненным мечом в левой руке. Меч извергал пылающие языки, которые могли бы сжечь всю Землю, но они затухали, касаясь великолепного сияния, которое Божия Матерь излучала навстречу им из своей правой руки. Указывая на землю правой рукой, Ангел вскричал громко:

¹ Эти две первые части Фатимского послания (видение преисподней и откровение о России) были опубликованы в 1942 г. по инициативе Папы Пия XII.

“Покайтесь, покайтесь, покайтесь!” В бесконечно ярком свете, который означал присутствие Бога, мы увидели нечто подобное отражению в зеркале, когда люди проходят перед ним. Увидели епископа, одетого в белое, – нам показалось, что это был Святейший Отец. Там были и другие епископы, священники, верующие мужчины и женщины. Они поднимались вверх по крутому склону горы, на вершине которой стоял большой Крест из необтесанных стволов пробкового дерева. Прежде чем попасть туда, Святейший Отец пересек большой, наполовину разрушенный город. Он шел, останавливался и, страдая от боли и горя, молился за души тех, чьи трупы встречал на своем пути. Когда он достиг вершины горы и опустился на колени у подножия Креста, группа солдат стала стрелять в него пулями и стрелами, и он был убит. И таким же образом там гибли один за другим епископы, священники, верующие мужчины и женщины – миряне разных чинов и сословий. По обе стороны Креста стояли два Ангела, каждый с хрустальной кропильницей в руке, в которую они собирали кровь мучеников и окропляли ею души, прокладывающие свой путь к Богу»¹.

Кровь мучеников, очищающая и питающая души, которые приближаются к Богу...

Этот путь я проделал с того дня 1975 года, когда в углу школьного двора мученики вошли в

¹ Эта третья часть Фатимского послания (видение гонимой Церкви) была опубликована в 2000 г. по инициативе Папы Иоанна Павла II.

мою жизнь подобно стреле, пронзающей тело. В крови мучеников началась история моей души.

Это пророческое видение произошло 13 июля 1917 года, за три дня до первой попытки большевиков захватить власть.

Последнее явление Богоматери в Фатиме состоялось 13 октября того же года. Спустя три недели разразилась большевистская революция.

В 1917 году Богородица объявляет, что Она *придет* за посвящением России Ее Непорочному Сердцу. В 1929 году Она *действительно приходит* за этим посвящением. Она просит его у Папы Пия XI через Люсию.

Но Марию не послушали.

1929 год. Это «год великого перелома на всех фронтах социалистического строительства». Так постановил Иосиф Сталин.

В России льются реки крови. Крестьян истребляют миллионами.

В 1936 году Люсия спрашивает Иисуса, почему Он не обратит Россию и без особого посвящения, совершаемого Папой:

« – Потому что Я хочу, чтобы вся Моя Церковь признала в этом посвящении торжество Пренепорочного Сердца Марии, чтобы затем распространить Ее культ и установить наряду с почитанием Моего Божественного Сердца почитание Сердца Пренепорочного.

– Но, Господь мой, Святой Отец не поверит мне, если Ты Сам не побудишь его к этому особым наставлением.

– Святой Отец? Усердно молись за

Святого Отца. Он это сделает, но слишком поздно. Впрочем, Пренепорочное Сердце Марии спасет Россию, Россия вверена ему»¹.

«Слишком поздно!» И память разворачивает свиток с трагическими судьбами десятков миллионов людей. «Слишком поздно!» Эти слова Христос произнес, должно быть, с неизбывной болью.

Фатима – вот яркий, подобный лучу прожектора свет, направленный на трагические события XX века! Вот великое откровение о тесной и невыразимой связи, соединяющей Богородицу с русским народом!

В Фатиме в январе 1983 года начинается мой путь в *Opus Dei*.

Мне 20 лет. Я на третьем курсе юридического факультета. Я принадлежу *Opus Dei*, Делу Божию. Не я избираю этот путь – Господь избирает меня со всеми моими недостатками и достоинствами.

Призвание – это призыв к тому, чтобы мыслить, чувствовать и действовать *определенным образом*. Это критерий, по которому я оцениваю все свои поступки, и начало, дающее единство всей моей жизни.

Мое призвание не то же самое, что миссия. Моя миссия – это *определенное дело*, которое я должен совершать, мой личный вклад в общее благо. Я не знаю своей миссии. Мне еще предстоит ее открыть. Я открою ее, когда осознаю свой талант. Пока что я не знаю своего таланта. Я узнаю его позже.

¹ Записки и письма сестры Люсии (1973). С. 412-414.

Я позволяю лепить себя, я словно глина в руках ремесленника – такова вкратце история моих первых лет в Деле Божиим.

Но то, чем я являюсь, моя собственная сущность, лишь укрепляется изо дня в день. Я все больше и больше становлюсь тем, что я есть.

Недавно мой брат Степан женился на тайландской девушке. Имя ей – Уорапун. Они познакомились в Соединенных Штатах, в университете Северной Каролины. Брат – дерматолог, 20 лет он будет работать в Американском госпитале в Париже. У Степана и Уорапун будет трое детей: Максим, Марина, Алиса.

Сестра Мария вышла замуж за Жила, молодого и необычного выпускника Политехнической Школы. Вместе они пошли работать с нищими в трущобах Парижа. Позже Жил станет начальником отдела управленческого контроля в компании PSA Peugeot Citroen. У Жила и Марии будет шестеро детей: Надежда, Лейла, Пьер-Сирил, Тинатин, Амандин и Марселин.

Подавляющее большинство членов Дела – женатые люди. Понятно: бóльшая часть людей на этой земле призвана к браку – к тому, чтобы найти Бога в супружеской любви и возвращении детей.

Женщины, окружающие меня с раннего детства, моя мать и сестра, – образ женственности. Девушки, с которыми я общался на первых курсах юрфака, – чудо природы: их улыбка, взгляд, голос, запах!

Между 15 и 20 годами я пытаюсь жить чисто. Есть взлеты и падения, но я никогда не думаю о браке. И никогда не думаю о безбрачии. Я думаю только о России.

После Фатимы я твердо знаю, что вопрос о браке никогда не встанет передо мной. Я иду по другому пути. Пускаюсь в другое приключение, требующее отдания себя Богу без посредника – без посредничества земной любви. Это приключение на всю жизнь, и плод его – безграничное духовное отцовство.

Мои родители понимают: то, что три года назад они считали подростковым кризисом, – вовсе не кризис, а устойчивое стремление моей личности.

Они в ужасе. Они объявляют мне войну. Но эта война идет мне на пользу: она заставляет меня определиться, она проверяет серьезность и искренность моего решения. Впрочем, эта война будет короткой: отец, только что объяснивший мне за завтраком «безумство этого выбора», заканчивает свою «речь» замечательными словами, которые лишь увеличивают мое восхищение им: «Ты свободен делать то, что хочешь!»

Через несколько лет, когда я уже покину Францию, мать пришлет мне характерное для нее письмо с лапидарной фразой: «Я ведь знаю, сынок, что ты сделал правильный выбор».

Выбор, конечно же, сделал не я, а Бог.

7. Тбилиси

Июнь 1983-го. Мне 21 год. Я заканчиваю третий курс юридического факультета. Пришло время *физически* сделать первый шаг в сторону России и Грузии. Я решаю провести август у моей двоюродной бабушки Елены и ее сына Тамаза. Мне выдают визу в советском консульстве.

Елена – сестра моего деда Арчила. В 1927 году, когда ее брат покинул СССР, ей было 23. Ее мужа расстреляли в 1937-м. Лишь в 1967 году ей разрешили на несколько месяцев выехать из Советского Союза, чтобы навестить брата. Она вновь встретила с Арчилом после 40 лет разлуки.

Я приземляюсь в Шереметьево 3 августа 1983 года в 15.00. Я ступаю на русскую землю.

У власти в СССР – Юрий Андропов.

В тот час за меня молятся очень многие: они знают, что я везу два чемодана и что в одном из них нет ничего, кроме религиозной литературы. Я раздобыл эти книги за несколько дней до отъезда. Это различные издания на русском: Библии, катехизисы, духовные сочинения. Все они были напечатаны брюссельским издательством «Жизнь с Богом», основанном в 1945 году Ириной Посновой, дочерью знаменитого русского историка Михаила Поснова.

Добрую четверть часа я напряженно наблюдаю божественное зрелище. Офицер КГБ медленно, тщательно, до мелочей осматривает мой первый чемодан. В нем нет *литературы*.

Закончив, он спрашивает меня:

– Это все, что у вас есть?

На нем большие темные очки, я не знаю, куда он смотрит. У моих ног второй чемодан, не менее заметный, чем первый.

– Да, это все.

Когда я закрываю только что осмотренный чемодан, он уже проверяет вещи следующего пассажира.

Он не увидел моего второго чемодана! Его ослепил мой Хранитель.

Это моя первая *физическая* встреча с Россией.

Мой родственник Гурам и его сын Сандро приехали за мной в аэропорт. Завтра мы улетаем в Тбилиси.

Свою первую ночь в Москве я провожу у друзей Гурама.

Я думаю о бабушке Нине, о ее последней ночи на русской земле весной 1920 года в портовом городе Феодосии, в Крыму. Ей было 17. Она хотела остаться в России, но этому воспрепятствовал ее отчим. В ужасе от мысли, что ей придется покинуть родину, вся в слезах, с комком в горле и с таким стесненным сердцем, что ей было тяжело дышать, она из последних сил возопила к Богу, и крик ее отзывался в недрах вселенной. Так обращаться к Всевышнему ее научил отец Василий, учитель Закона Божия в Мариуполе, за несколько месяцев до своего ареста и расстрела красногвардейцами.

Это было 63 года назад. Сегодня в своей парижской квартире она не спит. Молится.

По другую сторону Кавказа, в Тбилиси, взоры другой женщины *того же поколения* обращены к Небу. Это тетя Елена, моя двоюродная бабушка.

После отъезда Арчила в 1927 году я первый из рода возвращаюсь в Грузию.

В Тбилиси меня встречает ее сын Тамаз. Гурам и Сандро летят на другом самолете и будут позже.

Тамазу 60 лет. Ему было 10, когда убили его отца. Он не верит в Бога, не верит в человека, не верит в самого себя. Его воспитали те, кто расстрелял его отца.

Мы приближаемся к дому на Краснопартизанской улице, где он живет с матерью. Тамаз выходит из машины и звонит по телефону из будки. Он говорит с матерью, сообщает ей, что через несколько мгновений мы будем у дверей квартиры.

Мы медленно, очень медленно поднимаемся по лестнице. Пришли. Тамаз толкает приоткрытую дверь.

За дверью недвижно стоит Елена. Вот уже полвека как она ждет меня.

На следующий день после моего приезда в Тбилиси Сандро приводит меня к порогу католического храма. Сандро – мой ровесник. Он учится на факультете архитектуры.

– Алекс, – говорит он, – если меня увидят в церкви, то исключат из университета. Иди один. Я подожду тебя в машине.

Я вхожу в церковь. Открываю дверь ризницы и знакоюсь с отцом Иоанном, настоятелем прихода. Ставлю чемодан,

заполненный религиозной литературой, ему на стол.

– Отец, это вам подарок от ваших парижских друзей.

Он открывает чемодан и не может сдержать слез. Он не верит своим глазам. Спрашивает, как мне удалось доставить такое сокровище в Тбилиси. Я рассказываю ему о чуде в Шереметьеве.

– Я отслужу Мессу за вас, – говорит он, – и за тех, кто выпустил эти книги.

Я участвую в Литургии. Во время причастия встаю и подхожу к алтарю. Один молодой человек окликает меня и спрашивает, исповедан ли я. Он первый раз видит меня в церкви, и его уstraшает мысль, что я приму Тело Христово без надлежащей подготовки.

Мы с Сандро решаем провести несколько дней в Батуми, на берегу Черного моря.

В вечер нашего приезда нам не удастся заснуть, потому что неподалеку, на соседнем кладбище, одна старая женщина безудержно причитает на могиле своего сына. Тогда мы устраиваемся на балконе и до самого утра говорим о жизни, смерти и вечности.

8. Эскрива

В Тбилиси Тамаз уступил мне свою комнату с балконом, выходящим на Краснопартизанскую улицу.

По утрам я молюсь на этом балконе, обращаюсь к святому Хосемарии Эскриве.

Эскрива говорит мне о будущем. О будущем, которое мы построим на крови мучеников.

Свои советы он доверяет мне вполголоса, шепотом: «Да не будет жизнь твоя жизнью бесплодной и бесполезной! – Оставь свой знак. – Озари все вокруг светом твоей веры и твоей любви. Сотри апостольским служением своим липкие и смрадные следы, оставленные всюду сеятелями ненависти. – Зажги земные пути Христовым пламенем, которое ты носишь в сердце своем».¹

На дворе 1983 год. Ничто не предвещает конца коммунизма.

Вчера я сходил в ОВИР². В приемной три беса наблюдали за мной: Ленин, Орджоникидзе, Андропов.

Большевизм – космическая катастрофа. Ее причины общеизвестны: мы исключили Бога из профессиональной и общественной жизни и делаем вид, что Он присутствует в нашей личной жизни.

Все мы несем ответственность за

¹ Х. Эскрива. *Путь*, № 1.

² Отдел виз и регистрации (иностранцев).

происходящее. Мы думаем, что святость в мире – невообразимая блажь. Мы считаем, что достижение христианского совершенства в исполнении повседневного долга – несбыточная мечта. Мы ведем жизнь, поражающую своей нравственной и духовной посредственностью. Мы лишь усмехаемся, слыша обращенные к нам слова Иисуса Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5, 48).

Мы до такой степени искажаем христианство, что даже бесы кажутся порой более привлекательными, чем дети Божии.

У святого Хосемарии Эскривы есть важная проповедь. Он произнес ее в студенческом лагере Наваррского университета 8 октября 1967 года. Эта проповедь давно вошла в историю. Привожу ее главные моменты:

«Дети мои, где ваша любовь, ваша работа, воплощение ваших стремлений – вот место вашей повседневной встречи со Христом. В круговерти самых обычных событий, среди самых земных, материальных вещей мы должны освящать себя, служа Богу и людям...

Мир – не плох, он вышел из рук Божиих. Бог его создал, и посмотрел на него, и остался доволен. Это мы, люди, портим и уродуем его грехом и неверностью. Поверьте, дети мои, если вы, живущие в мире, уклонитесь от честных будничных дел, то нарушите волю Божию, это уж точно...

Поймите, Бог призывает вас служить Ему в мирских, материальных делах – как бы из них самих, изнутри. Он ждет нас каждый день в лаборатории, в операционной, в казарме, на

университетской кафедре, на фабрике, на заводе, в мастерской, в поле, в семье, словом – везде, где трудятся. Что-то есть божественное и сокровенное в самых простых вещах, и каждый из вас должен открыть это что-то...

Студентам и рабочим, с которыми мы собирались в тридцатые годы, я говорил, что им надо *овеществить* свою духовную жизнь. Я хотел, чтобы они избежали соблазна двойной жизни, распространенного и тогда, и теперь: по одну сторону – жизнь внутренняя, связь с Богом, по другую, совсем отдельно – профессиональная, социальная, семейная, где толпятся и кишат мелкие земные дела. Нет, дети мои! Мы так жить не можем! Мы – христиане, а не шизофреники. Жизнь – одна, ее мы и должны освятить, наполнить Богом и плотью, и дух. Невидимого Бога мы открываем в самых видимых, материальных вещах...

Другого пути нет, дети мои. Или мы научимся находить Бога в повседневной жизни, или вообще Его не найдем. Поэтому я и говорю вам, что теперь, в наши дни, надо вернуть высокое значение материи. Надо одухотворить самые мелкие и неприметные аспекты человеческой жизни, поставить их на службу Царству Божию, сделать средством, которое поможет нам постоянно быть с Иисусом Христом...

Истинное христианство верит в телесное воскресение, а потому вполне логично всегда отвергало *развоплощение*, ничуть не боясь, что его обвинят в материализме. Мы вправе говорить о материализме христианском, который смело противостоит материализму бездуховному...

Уверяю вас, дети мои, когда христианин делает с любовью самое ничтожное дело, дело это преисполняется славой Божией. Потому я и твержу, и вбиваю вам в голову, что христианин призван творить высокую поэзию из житейской прозы. Нам кажется, дети мои, что земля и небо смыкаются у горизонта, а они смыкаются у нас в сердце, когда мы освящаем будничную жизнь...

Человек, знающий, что Христа можно найти не только в храме, но и в мире, этот мир любит. Он старается получить хорошее образование, ему хочется стать ученым и умелым. Проблемы, возникающие вокруг него, он решает свободно, а решения, как всегда у христиан, обусловлены и собственными размышлениями, и смиренной покорностью воле Божьей, проявляющейся во всех событиях, важных и неважных»¹.

Это послание старо как Евангелие. Мы забыли его. И дорого за это расплачиваемся!

Я думаю о святой Нине. Она поняла это послание. Она жила этим посланием. Она передала это послание. Почему Нину предали? Почему предали Христа? Разве сущность христианства не в обожении человека и преображении земных реалий благодатью Божией?

Александр Шмеман, один из крупнейших богословов русской эмиграции, утверждает, что *неотмирное христианство* «рождается из опыта неудачи, ослабления первоначальной

¹ Беседы с о. Эскрива, № 113–122. / Пер. Н. Трауберг. М., 1992.

установки, из опыта невозможности соединить два положения основной христианской антиномии – “не от мира сего” и “в мире сем”»¹.

Но если Шмеман прав, разве неудача некоторых должна обязательно стать неудачей всех? И как объяснить тогда торжественную победу первых христиан в миру? Нельзя ли восстановить эту ослабленную первоначальную установку? Почему христиане перестали верить в действие благодати Божией в недрах общества?

На иконе святого Хосемарии, написанной Александром Соколовым, московский художник изобразил Эскриву как *титана*: голова на Небе, где он созерцает Ангелов, Архангелов, Богородицу и Младенца Иисуса, а ноги... ноги-то *твердо стоят на земле*. Эта икона – символ всемогущего действия благодати Божией в гуще повседневных человеческих занятий.

На этой земле, которую Эскрива горячо любит, мы видим крестьянина, возделывающего поле, земледельцев, сажающих семена, пастуха, пасущего овец, рыбаков, вытаскивающих сети, мать семейства, наставляющую своего ребенка. Таков мир Эскривы. Это мир обыденной жизни, преображенной благодатью Божией.

На этой иконе труженики едва заметны: для Эскривы любая работа, выполненная из любви к Богу и в служении людям, обладает заповедной ценностью, но эта работа чаще всего незаметна.

¹ Прот. А. Шмеман. *Введение в литургическое богословие*. Киев, 2003. С. 185.

Эскрива... Этот человек – носитель послания, способного восстановить первоначальный христианский импульс.

Это послание передал ему Бог 2 октября 1928 года, за несколько месяцев до начала сталинского «великого перелома».

Сталин! Ты шагал по улице, которую я сейчас созерцаю с моего балкона. Ты учился в семинарии этого города, в семинарии, где ты должен был встретить Христа, но встретил дьявола...

Мадрид. Осень 1931 года. Эскриве 29 лет. Он едет в трамвае, читает свежую газету. Социальная и политическая ситуация в Испании тревожна. Страна на грани гражданской войны. Эскрива чувствует себя беспомощным, неспособным осуществить великую миссию, выполнить неотложное задание, которое еще три года назад доверил ему Бог. Он подавлен.

И вдруг Святой Дух овладевает его душой и изливает в нее неизреченную радость, радость богосыновства. Эскрива не в силах удержать в груди крик – это слова Писания, подсказанные ему Духом: «Авва, Отче! Авва!»

Его принимают за сумасшедшего. На ближайшей остановке он выскакивает из трамвая и несколько часов бродит по улицам Мадрида. Он не может успокоиться: радость, дарованная Духом, безмерна.

Эскрива... У этого человека революционное понимание смирения. Для него быть смиренным – значит ощущать и переживать без комплексов комплекс

превосходства детей Божиих. Быть смиренным – значит осознавать себя орудием в руках Отца, могущественным орудием, призванным творить чудеса на земле и мечтать Божиими мечтами.

На русский язык книги Эскривы переводит Наталья Трауберг. В России она известна по переводам произведений Ионеско, Честертона, Льюиса, Гарсиа Лорки. Наталья Трауберг – русский филолог еврейского происхождения. Ее отец Леонид Трауберг – именитый советский кинорежиссер. Наталья Леонидовна приняла крещение в православии в советскую эпоху. Сейчас она, по ее словам, «дикое полукатолическое существо». У Эскривы ее поражает, как она мне говорит, жизненное напряжение между смирением и великодушием, созерцанием и действием, всепрощающим милосердием и требовательной любовью. Поражает это деятельное, энергичное понимание смирения, свойственное тем, кто ищет Бога в повседневной жизни.

У Эскривы все добродетели обретают новое значение. Вернее, они вновь обретают свое первоначальное значение: это добродетели мужчин и женщин, погруженных в мирские дела, потому что в водовороте общества, в гуще жизни они научились различать Лик Отца.

Духовная нищета – это не отказ от обладания: это отрешенность сердца от земных благ; целомудрие – это не отсутствие секса: это исключительный и безусловный дар самого себя другому человеку; справедливость – это не только перераспределение благ, но и тщательное исполнение своих

профессиональных, семейных и социальных обязанностей; мужество – это не только мученичество, но и повседневная верность выбранному пути.

Эскрива... Этот человек настолько ярко проповедовал отцовство Бога, что Бог сделал его отцом для миллионов людей на земле.

«В Эскриве я нашла отцовство», – так говорит Татьяна Горичева, православный писатель и философ, высланная из СССР в 1980 году за ее «христианский феминизм».

Эскрива... Этот человек страдает, как страдает Христос. На его глазах умирают его три младшие сестры, когда он сам еще ребенок, и он испытывает тяжелое искушение *бунтом*. Он живет в бедности, переживает ужасы гражданской войны в Испании и гонения на христиан. Он страдает от смертельной болезни. Он страдает от кризиса Церкви.

Эскрива страдает, как страдают пророки, – от клеветы. Он – мусорное ведро человечества. Зависть и малодушие собрались «на совет нечестивых» (Пс 1,1) и решили уничтожить эту христианскую мужественность, которая осмеливается проповедовать всеобщий призыв к святости, не спросив у них разрешения.

Но Эскрива счастлив, и его счастье безгранично: «Бог – мой Отец, хоть и посылает мне страдания. Он глубоко любит меня, хоть и причиняет мне боль... Боль – верный знак моего богосыновства, ибо Он поступает со мной как

со Своим Сыном»¹.

¹ Х. Эскрива. *Крестный путь*, стояние 1. М., 2012.

Икона святого Хосемарии Эскривы.

9. Войтыла и Соловьев

В 1983 году я начинаю интересоваться учением и деятельностью Иоанна Павла II.

Иоанн Павел II любит Россию. Он читал Чаадаева, Соловьева, Бердяева.

Он, столь преданный Царице Небесной, осуществляет 25 марта 1984 года посвящение мира Ее Пренепорочному Сердцу в общении со всеми католическими епископами планеты. Это посвящение касается прежде всего России.

Он, первый славянский Папа в истории Церкви, в 1985 году пишет энциклику в честь святых Кирилла и Мефодия, апостолов славян и отцов восточнославянской культуры. Уже в 1980 году, в самом начале своего понтификата, он провозгласил солунских братьев покровителями Европы¹. У этого Папы более справедливое, более универсальное понимание Европы, чем у его предшественников.

Он, великий пророк XX века, в 1988 году публикует поразительное Апостольское послание по случаю тысячелетия Крещения Руси. Читая это послание, мы чувствуем с первых его страниц, насколько польский Папа любит и понимает Россию.

«Русская доктрина» Войтылы сводится к трем пунктам:

1. Величие России, ее особый вклад в

¹ До 1980 г. единственным покровителем Европы был святой Бенедикт.

духовное благо человечества связаны с культурной и религиозной византийско-славянской традицией, основания которой были положены Кириллом и Мефодием в IX веке.

Латинизировать Россию – все равно, что сделать ее бесплодной, умерщвлять Вселенскую Церковь провинциализмом и препятствовать осуществлению великого христианского единства.

2. Две ипостаси единой христианской традиции, Западная и Восточная, – это два культурных проявления, дополняющих друг друга. Запад и Восток – это два легких одного организма¹. Западная культура более логическая и рациональная, восточная же более интуитивная и мистическая.

«Мир искони делился на две части – Восток и Запад, – утверждает Петр Чаадаев, которого Иоанн Павел II изучил досконально². – Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это – два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на

¹ «Два легких Европы» – выражение русского поэта Вячеслава Иванова (1866–1949). Это выражение популяризировал Иоанн Павел II.

² Среди четырех русских философов, упомянутых Иоанном Павлом II в энциклике «Вера и разум» (1998), значатся В. Соловьев и П. Чаадаев.

Западе»¹.

Западная культура более мужская, восточная же – более женская. Эта естественная взаимодополняемость должна порождать не вражду, а любовь. Культурный и религиозный национализм – это гомосексуализм в сфере духа. Национализм – явление противное и бесплодное.

Патриотизм (благородное утверждение национальной самобытности) и национализм (эгоистическая обособленность) – это совсем разные вещи: «Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода, – пишет Владимир Соловьев, – а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой, – раз мы признаем это субстанциональное единство, мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога».²

3. Разделение Католической и Православной Церквей – большой грех. Но Бог

¹ П. Чаадаев. *Апология...* С. 169.

² В. Соловьев. *Русская Идея*, I.

попустил его ради высшего блага, а именно: позволить Церкви Христовой открыть и сохранить неисчерпаемое богатство Боговоплощения и Искупления.

«Можно сказать, – пишет Иоанн Павел II, – что в человеческом познании и деятельности есть некая диалектика. Не учел ли ее Святой Дух в Своем Божественном “снисхождении”? Род человеческий должен достигнуть единства через множественность; он учится быть единой Церковью, сохраняя все разнообразие форм мышления и деятельности, культур и цивилизаций. Разве такая точка зрения не соответствует, в известной степени, Премудрости Божией, благу Его и Промыслу? И все-таки... должно прийти время, когда проявится объединяющая нас любовь»¹.

Владимир Соловьев первым поставил вопрос о единстве христиан в таких терминах. Главное философское понятие Соловьева – «всеединство», оно означает максимальное единство в максимальной множественности. «Частное бытие, – пишет Соловьев, – идеально или достойно, лишь поскольку оно не отрицает общего и дает ему место в себе, и точно так же общее идеально и достойно в той мере, в какой оно дает в себе место частному».² Для Соловьева единство, не уважающее множественности, и множественность, отрицающая единство, – отвлеченность и ложь.

Церковь XIX века не была готова принять идеи Соловьева. Русский философ писал для

¹ Иоанн Павел II. *Переступить порог надежды*. М., 1995. Гл. 23.

² В. Соловьев. *Собр. соч.* СПб., 1909. Т. 6. С. 40.

мужчин и женщин XXI века, для тех, кто должен был пережить великие потрясения XX века, неминуемость которых он предчувствовал.

Польский Папа – культурный и религиозный наследник русского философа. В 2000 году, по случаю столетия со дня смерти Соловьева, он утверждал: «Вспоминая Владимира Соловьева, этого чрезвычайно глубокого человека, так верно воспринимавшего всю трагичность разделения христиан и срочную потребность в единстве, я всех призываю к молитве, чтобы христиане Востока и Запада как можно скорее вновь обрели полное общение»¹.

Мышление Войтылы не линейное, а цикличное. С Иоанном Павлом II мы всегда возвращаемся к исходной точке.

Эта *творческая ностальгия* – сила Востока. Восток – орел, его движение – движение по восходящей спирали. Запад – лев, его движение – движение стрелы. Орел и лев – два символа величия, два аспекта его.

Иоанн Павел II направляет мой разум в мои студенческие годы.

Позже появится возможность быть рядом с ним, слушать его и говорить с ним: в Риме, в Хельсинки, в Таллинне.

Как Эскрива, Иоанн Павел II – гигант духа. Как Эскрива, он для меня отец и учитель.

10. Париж

¹ Иоанн Павел II. Слово, произнесенное 30.07.2000 г.

В Париже я вырос и был воспитан. В Париже я открыл свое призвание. Без Парижа меня нет.

Я восхищаюсь Францией.

Во Франции разбиваются цепи рутинного мышления и ломаются стены пустых традиций.

«Почему Франция все еще продолжает стоять на первом плане в Европе? – спрашивал себя Достоевский более ста лет назад. – Бесспорно потому, что страна эта – есть страна всегдашнего первого шага, первой пробы и первого почина идей»¹.

Подумаем о гениальной идее европейской интеграции, не в нынешнем ее проявлении – извращенной, униженной, лишенной своего первоначального содержания, – но в том виде, в каком ее задумали Жан Монне и Робер Шуман. Это была глубоко нравственная идея, несущая в себе высокое, благородное понимание человеческой личности.

Франция. Ее величие более всего воплощает собой мой друг Алекс Кёрдеруа. Мы познакомились на третьем курсе юрфака. Кёрдеруа, что значит «королевское сердце», – само благородство. Он любит традицию, но смотрит на нее с улыбкой и говорит о ней с юмором. У него высокое чувство долга, но чувство его личного достоинства еще выше. Его свободное сердце не колеблется никогда. С 15-летнего возраста он знает, что Бландин будет его женой. Он выбирает прекрасно и свой

¹ Ф. Достоевский. *Дневник*, 1876. Мысли, высказывания и афоризмы Достоевского. Пять континентов. Париж, 1975.

выбор не пересматривает. Это царственное сердце идет прямо по жизни и своей христианской верой преодолевает любое препятствие. Кёрдеруа – мой лучший друг со времен университета. Я до сих пор учусь у него.

Я люблю Париж. Но эта любовь полна горечи.

Когда я думаю о французской столице, я вижу не впечатляющую Эйфелеву башню, не романтический Латинский квартал, не широкие Елисейские поля. Я вижу... Вольтера и Руссо. Они занимают первые места в величественном мавзолее, именуемом Пантеоном, ибо в недрах его похоронены те, кого французское государство уже триста лет признает своими «богами». Да, ее бог – Вольтер, это нравственное чудовище с дьявольской ухмылкой, отец сектантского и фанатичного секуляризма; ее бог – Руссо, этот крайне непоследовательный сентименталист, отец натурализма, сформировавшего тип человека, которому чужды понятия личного роста и нравственного совершенствования, человека, возлагающего свои надежды исключительно на политику и социальный прогресс.

Над входом в мавзолей читаешь: «Великим мужчинам благодарная Отчизна». Читаешь и плачешь – настолько ложь эта безвкусна: храм, посвященный одной из величайших французских женщин – той, которая спасла Париж от монгольского опустошения¹, – был

¹ Во время осады Парижа в 451 г. святая Женеви́ева, которой тогда было всего 28 лет, убедила жителей города не уступать Париж гуннам (предкам монголов). Ее слова вошли в историю: «Пусть мужчины убегают, если не хотят сражаться. Мы, женщины, будем молиться Богу так, что Он услышит наши моления». И действительно, Атила пощадил Париж.

превращен революционерами в мавзолей в благодарность «великим мужчинам», которые оказались на самом деле большими врагами человечества.

Я часто размышлял над словами Николая Бердяева: «Париж – мировой город, мировой город новой Европы и всего нового европейского человечества... Мы знаем обаяние, единственную магию, присущую этому городу, единственную красоту сочетания в нем самого старого с самым новым... Мещанство – другой лик Парижа, лик устрашающий и отталкивающий. (...) Мещанство есть обратная сторона необузданной жажды наслаждений... Свободная игра человеческих сил, свободная от всякой святыни, привела к закрепощенному царству мещанства... Мещанство – метафизическая, а не социальная категория. И социализм проникнут духом мещанства. Природа мещанства атеистическая, безрелигиозная... Через великие испытания и потрясения вновь пробудится героическое у французов... Неизбежен конец мещанского атеизма и буржуазной вражды к религии. И Париж возродится к новой жизни... Спасение Франции – одна из великих, мировых задач России»¹.

В Фатимском послании есть Россия. Но есть и Франция.

В 1931 году в Рианхо, в Испании, Христос жалуется Люсии, что посвящение России

¹ Н. Бердяев. *Судьба России (1914–1917)*. М., 2000. С. 355–360.

Пренепорочному Сердцу Марии, испрошенное в 1929 году, еще не произошло: «Они не захотели услышать Мою просьбу. Как и король Франции, они в этом раскаются».

В 1689 году через святую Маргариту-Марию Христос попросил короля Людовика XIV посвятить Францию Его Святейшему Сердцу. Ослепленный своими страстями и опьяненный тщеславием, Король-Солнце скончался, так и не ответив на небесную просьбу.

Ровно через 100 лет, в 1789 году, разражается Французская революция. В 1792 году разворачивается гонение на Церковь. В 1793 году Людовик XVI обезглавлен на городской площади.

Франция должна быть посвящена Сердцу Иисуса, а Россия – Сердцу Марии. Это Божий замысел. Франция и Россия – предметы особой любви Божией, и их судьбы неразлучно связаны между собой, как и неразлучны между собой Святейшее Сердце Иисуса и Пренепорочное Сердце Марии.

Бог, Франция, Россия – вот контекст моих самых сокровенных мыслей. Вот что давно уже занимает мое сердце.

II. Хельсинки

В 1985 году я заканчиваю юридический факультет в Париже.

Я отбываю воинскую повинность в качестве преподавателя русского языка в военном лицее Сен-Сир¹ под Парижем. В свободное время я готовлюсь к вступительному экзамену в Центр профессиональной подготовки адвокатов.

В 1986 году я покидаю Париж и устраиваюсь в Страсбурге.

В Страсбурге начинается моя адвокатская карьера. Мое первое дело – с судом присяжных. Его мне уступил один ветеран нашего ремесла: через месяц он выйдет на пенсию. Иду на встречу с клиентом в тюрьму. Он убил своего лучшего друга в пылу необузданной пьянки. Выстрелил в упор. Мозги жертвы забрызгали потолок.

Мой второй клиент – турок: он обезглавил своего тестя кухонным ножом. В офисе мы, бывает, смеемся, как школьники, читая полицейские отчеты. В иных судебных делах есть что-то трагикомическое.

Следующее дело: родители, утомленные плачем их новорожденного ребенка, засунули его в холодильник. Ребенок погиб.

Мы не смеемся.

¹ Lycée militaire de Saint-Cyr. Общеобразовательное среднее военное учебное заведение. В нее принимают детей кадровых военных, отставников и государственных чиновников.

В Страсбурге я знакомлюсь с вдовой Федора Федоровича Раскольниковова. Раскольников – старый большевик: он вступил в партию в Санкт-Петербурге в 1910 году, когда был студентом. В 1920 году он стал командующим Балтийским флотом, а в 1936-м – полномочным представителем СССР в Болгарии. В 1938-м во время пересадки в Берлине, узнав о своем смещении с должности полпреда и предвидя неминуемый арест и расстрел, уехал с женой в Париж. Он покончил с собой в Ницце в 1939 году. По другой версии – был убит агентами НКВД.

Муза Васильевна Расколькова приглашает меня на обед. Мы разговариваем, пьем французское вино. Я слушаю ее с интересом, но понимаю: у нас ничего общего нет.

Страсбург – лишь переходный период моего существования. В июне 1989 года я улетаю в Финляндию. Мне 27 лет.

На Север Европы меня зовет Святой Дух.

Через несколько дней впервые в истории Папа Римский целует финскую землю.

Иоанн Павел II приехал не с визитом к Деду Морозу, который, к слову, живет не очень далеко, в Лапландии, на границе с Россией.

В речи, обращенной к политикам и дипломатам во Дворце «Финляндия», Войтыла с силой утверждает: « Я приехал сюда, чтобы выразить в который раз свою поддержку процессу, начавшемуся в этом месте 1-го августа 1975 года в рамках Совещания по безопасности

и сотрудничеству в Европе. Хельсинкскую декларацию надо считать наиважнейшим инструментом международного диалога (...). В Совещании было заявлено, что верующие, гонимые за свои убеждения, не в состоянии целиком участвовать в созидании общества, в котором они живут. Когда государство попирает столь фундаментальное право, как право на свободу вероисповедания, гармония в обществе исчезает, и дело мира становится практически невозможным»¹.

Все понимают, что взоры Папы обращены к Советскому Союзу.

Спустя полгода, в ноябре 1989-го, рушится Берлинская стена.

Весной 1990 года я провожу несколько дней в Тбилиси.

Вот история, которая послужила предисловием к моей книге «Сотворенный для величия»:

Я приехал в Тбилиси, когда СССР уже находился в состоянии коллапса. К тому времени бабушка Елена умерла, и мне было очень больно видеть, что Тамаз никак не может оправиться от этой потери. Он любил свою мать, как никого другого в этом мире. Он ни на минуту не оставлял ее с того трагического дня 1937 года, когда его отец был арестован, а позднее расстрелян НКВД. В ту пору Тамазу было всего 10 лет.

Однажды вечером мы поехали на кладбище почтить память бабушки Елены. За рулем выдавшего вида «жигуленка» сидел

¹ Иоанн Павел II. Обращение. Хельсинки, 5.06.1989 г. Meeting with the members of the Paasikivi Association.

Тамаз. Чем ближе мы подъезжали к кладбищу, тем эмоциональнее он становился. Стемнело. Начал накрапывать дождь. Мы ехали по скользкой и извилистой горной дороге.

Неожиданно Тамаз обернулся ко мне.

– Не боишься? – спросил он.

Словно стыдясь другого ответа, я твердо ответил:

– Нет!

К моему ужасу, Тамаз до отказа выжал акселератор. Я едва успел призвать на помощь своего ангела-хранителя. Автомобиль, будто на крыльях, воспарил над пропастью, и через несколько секунд рухнул на дно ущелья прямо в середину заброшенного горного кладбища, между двумя надгробиями. Ветровое стекло «жигуленка» разбилось. Нам понадобилась немалая ловкость, чтобы аккуратно вылезти из машины, – ведь она буквально висела в нескольких метрах от бездонной пропасти.

В полной тишине мы спускались с горы, не встретив на своем пути ни одного проезжавшего автомобиля. Неожиданно Тамаз сказал: «Надо же, ведь мы так и не доехали, куда собрались. И еще надгробия разрушили, которые не нам принадлежат».

Через час мы поймали попутку и добрались до Тбилиси. Было два часа ночи.

Я несколько дней размышлял над нашими ночными приключениями, которые закончились плохо, но могли бы закончиться еще хуже. По правде говоря, я разочаровался в Тамазе, но ничего ему не сказал. Более того, я понял, что этот 60-летний в ту пору мужчина уже очень давно – возможно, в тот момент, когда на его глазах энкавэдэшники арестовали отца, –

потерял не только чувство ориентации в жизни, но и ощущение жизни как таковой.

Я часто думаю о Тамазе и о миллионах людей, в той или иной мере искалеченных тоталитарным идеологическим проектом XX века. Я размышляю о пустоте, разрушающей их сердца, а также о современной глобальной политике, которая, сосредоточившись исключительно на экономике, только усугубляет эти душевные раны.

В декабре 1989-го мне звонит Никола. Ему 24 года, он работает в компании Nokia в городе Сало, что в 100 километрах от Хельсинки. Он говорит, что он мой родственник и что моя мать рассказала ему обо мне. Я не помню Никола, но раз мать дала ему телефон, значит он хороший.

Ему страшно, он переживает глубокий духовный кризис. Холод, тьма, одиночество – он мечтал о Финляндии, но оказался в «пустыне реальности». С Божией помощью он скоро преодолеет этот кризис. Его дружба – большая поддержка в первые годы моей жизни в Финляндии.

В пятницу 11 мая 1990 года на советском пароме «Константин Симонов» я отправляюсь в Санкт-Петербург. 12 мая, в канун праздника Божией Матери Фатимской, я впервые хожу по улицам столицы бывшей Российской империи.

Дома, в которых в начале века жили дедушка Павел и бабушка Нина – на Кирочной и на 4-й линии, – все еще стоят. Я с волнением разглядываю их. Это было 70 лет назад.

Первые люди, с которыми я встречаюсь в Петербурге, – это Саша и Люба Щипковы. У

них четверо детей. Они живут на улице Лабутина. Саша – журналист. Его мать Татьяна Щипкова, профессор романской филологии, была в 1979 году приговорена к трем годам лагерей за «хулиганство»: у нее была привычка рассказывать о Христе своим студентам.

Адрес Саши я получил от Ирины Иловайской-Альберти, главного редактора парижской газеты «Русская мысль». Ирина – замечательная женщина, она защищает права угнетенных, в особенности тех, кого преследуют за веру. Она свободно говорит на десяти языках и три года была секретарем Александра Солженицына в Вермонте.

У Ирины страшный кот: каждый раз, когда я приезжал к ней в издательство, я подхватывал жуткую аллергию, от которой потом долго и мучительно оправлялся.

В Питере я знакомлюсь с моими родственниками Орджоникидзе. Фамилия Орджоникидзе мне не особенно симпатична: Серго Орджоникидзе – представитель той бесовщины, о которой я уже говорил. Но если Лали, моя родственница, дала адрес и телефон, то нечего сомневаться. Набираю номер в телефонной будке на Литейном:

– Миша Орджоникидзе?

– Да!

– Это Алекс, ваш родственник из Финляндии.

– Наш родственник из Финляндии?

– Да, Лали из Тбилиси дала мне ваш телефон.

– Зайди к нам!

Красивое здание на Суворовском. Поднимаюсь по лестнице. На той стороне улицы – Николаевская Императорская академия Генерального штаба. Орджоникидзе живут на последнем этаже. На стене табличка: «Ивановым – 1 звонок; Петровым – 2 звонка; Андреевым – 3 звонка; Орджоникидзе – 4 звонка».

Звоню четыре раза. Миша Орджоникидзе открывает дверь, обнимает меня. Рядом – Валя, его жена, и сын Сосо. Входим в комнату. На столе вино, водка и всякие грузинские блюда. Готовится пиршество. Я блудный сын, который возвращается издалека, хотя час назад в жизни и сознании этих добрых людей меня не существовало.

Миша – грузин. После войны он обосновался в Ленинграде, где познакомился с Валей. Долгие годы оба преподавали социологию в университете. Недавно отказались от партбилетов. Миша – агностик. Валя крестилась в прошлом году.

Сидим. Выпиваем. Миша рассказывает, что не так уж давно органы безопасности вручали ему списки верующих студентов, которых он должен был завалить на экзаменах. Он, конечно, подчинялся.

Валя сердится:

– Незачем рассказывать об этом Алексу!

В своей «финской речи» Иоанн Павел II намекал не только на Советский Союз. Он намекал и на Европу, где *культура смерти* принимает невообразимые размеры: аборт и эвтаназия – «права личности», а не темы для обсуждения. Начинаются разговоры о клонировании человеческих эмбрионов, о

гомосексуальном браке и усыновлении детей однополыми парами.

В апреле 1991 года я провожу в Хельсинки международную конференцию в защиту культуры жизни. Приглашаю профессора Жерома Лежена, французского генетика, открывшего в 1958 году хромосомную природу синдрома Дауна. Лежен – мой друг. Мы познакомились в Страсбурге в 1988 году на Национальном конгрессе семей: организаторы попросили меня выступать модератором на этом мероприятии.

За несколько дней до начала конференции в защиту жизни, которая состоится в престижной гостинице в центре финской столицы, я получаю неожиданный телефонный звонок: говорит женщина, очень влиятельная. Она хорошо знает Лежена и ненавидит его. Она обвиняет меня в проведении «идеологического» мероприятия без ее разрешения, обвиняет в намерении подорвать основы финского общества. Она оскорбляет меня и угрожает.

Кладу трубку и вскрикиваю с отвращением: «Soviet Finland!»¹

Жером Лежен открывает свои уста, свои золотые уста в нашем железном веке: «Генетика показала, что в тот самый момент, когда яйцеклетка оплодотворяется сперматозоидом, вся генетическая информация, определяющая будущего индивида, уже целиком вписана в первую клетку. Никакая новая информация не поступает в яйцеклетку ни на одной стадии после ее оплодотворения. Таким образом,

¹ Советская Финляндия! (англ.)

генетическая наука утверждает, что человеческое существо не было бы человеческим, если бы не было уже зачато именно как таковое. Если закон настолько ошибочен, что заявляет, будто эмбриональное человеческое существо не является человеческим существом и что Ее Величество королева Англии в первые 14 дней своей жизни была всего лишь шимпанзе, то это вовсе не закон. Это манипуляция общественным мнением, и она не имеет ничего общего с истиной. Никто не обязан принимать выводы науки. Кто-то может сказать: “Мы предпочитаем оставаться невеждами. Мы отвергаем всякую новизну и всякие научные открытия”. Это определенная точка зрения. Я бы даже сказал, что это политкорректная точка зрения, но это точка зрения мракобесов, а наука ненавидит мракобесие»¹.

Среди собравшихся в первом ряду одна женщина улыбается. Не та, которая недавно угрожала мне по телефону. Та не пришла: публично выступать против науки – слишком унижительно. Улыбается Пяйви Рясянен. Эта молодая женщина – не идеолог, а врач. Она только начинает свой путь в политике и со временем станет председателем Христианско-демократической партии и министром внутренних дел Финляндии. Рясянен – вот женщина, любящая жизнь, Бога, родину. Вот женщина, любящая грешника, но не идущая на сделку с грехом.

¹ J. Lejeune. *Child, Family, State: Scientific Progress and Human Rights*. Выступление на конференции в Хельсинки, апрель 1990 г. Bulevardi Foorumi, 1990.

Я работаю в адвокатской конторе в Хельсинки. Учю финский язык.

В Хельсинки Ленин осуществлял приготовления к большевистской революции. Каждый раз по пути в церковь я прохожу перед изображением этого хитрого и циничного мефистофеля: на стене дома по улице Вуоримиехенкату, в котором он скрывался весной 1906 года, висит мемориальная доска с описанием его подвигов.

Ленин... по дороге в храм.

На внешней стене католического кафедрального собора висит огромное распятие, обращенное к посольству Советского Союза, что на другой стороне улицы.

6 ноября 1991 года российский президент Борис Ельцин запрещает деятельность Коммунистической партии на территории Российской Федерации.

25 декабря 1991 года, на латинское Рождество, Михаил Горбачев подписывает декрет о своем «уходе с поста президента СССР». В 19.00 он выступает с прощальным словом к народу в прямом эфире Центрального телевидения.

26 декабря 1991 года Советский Союз официально перестает существовать.

Я езжу в Санкт-Петербург – на корабле, на поезде, на автобусе. Мне надо дышать русским воздухом.

В дороге со мной нередко случаются «типично русские» истории. Вот одна из них, которая мне особенно нравится. Она

послужила предисловием к моей книге «Нравственное лидерство».

Это случилось во время автобусной поездки из Санкт-Петербурга в Хельсинки одним чрезвычайно холодным зимним утром в 1992 году, вскоре после падения коммунизма. Это было время сокращения производства, космической инфляции и безудержного роста безработицы во всем бывшем Советском Союзе. Русские люди пожилого возраста оказались в особенно трудных обстоятельствах, когда инфляция поглотила их и без того маленькие пенсии. Многие из них вынуждены были собирать пустые бутылки в мусорных баках. Для них это был единственный способ выжить.

Когда направляющийся в Финляндию автобус мчался по территории России, меня поразили контраст между девственным зимним пейзажем, проносящимся мимо моего окна, и не слишком моральной атмосферой в автобусе.

Пассажир впереди меня был абсолютно пьян.

Пассажир справа от меня потчевал меня рассказами о потерянном уик-энде... Еще в Питере, на автобусной остановке, он хотел предложить мне сигарету, но, засунув руку не в тот карман, он вытащил оттуда пачку презервативов.

К моему облегчению, наш автобус вскоре прибыл на стоянку у железнодорожного вокзала Выборга, последнего русского города перед финской границей. Яркий солнечный свет падал на недавно выпавший снег. Я закутался потеплее и отправился исследовать местность вокруг станции.

Здесь я встретил старую женщину, которая рылась в куче мусора, чтобы найти что-то, что она могла бы сдать за деньги в пункте приема вторсырья. Я опустил руку в карман и вынул несколько рублей, которые у меня еще оставались: «Бабушка, возьмите, пожалуйста». Она посмотрела мне прямо в глаза, лучезарно улыбнулась, и я заметил, что она моложе, чем кажется. Не желая отстать от автобуса, я заспешил обратно.

Как раз когда я садился в автобус, я услышал голос позади. Это была та самая пожилая женщина; она быстро подошла ко мне с сияющей улыбкой и с букетом цветов в протянутой руке. Я взял цветы. Она ушла, не сказав ни слова.

Мы пересекли границу и оставили позади мою любимую Россию. Я откинулся на сиденье, закрыл глаза и представил себе, как она покупала цветы на те деньги, в которых отчаянно нуждалась, к тому же не будучи вполне уверенной, что найдет меня. Я изумлялся ее бескорыстию, щедрости ее сердца. Меня обуревали радость, глубокая любовь к жизни и желание обращать и очищать свое сердце, становиться лучше.

А вот другая история – не менее русская, но куда менее славная.

Дело было в ночном поезде между Таллинном и Москвой. Мой сосед по купе, русский из Эстонии, любезно объясняет мне, что некоторое время назад он отсидел пять лет в тюрьме за кражу. Но что сейчас, *в принципе*, дела идут гораздо лучше...

Видя, что он глотает пилюли, я

спрашиваю:

– Вы болеете?

– Нет, это чтобы не воровать, чтобы искушение прошло.

Этот человек принимает таблетки, чтобы не оставить путешественников без вещей...

Его пилюли не сработали: ночью он украл все мои деньги с удивительной сноровкой.

Он не признает своего преступления. Я не верю своим глазам.

Он «щедро» дает мне 50 рублей на метро...

В Москве я останавливаюсь в посольстве Уганды, в Мамоновском переулке, у моего друга Кристофера.

Кристофер – посол. Этот веселый и крайне симпатичный негр раскрывает мне сокровища африканской души. Нашу беседу слушает другой негр – Пушкин. Он же стоит рядом, на Тверской улице.

По вечерам мы с Кристофером молимся Богородице о русском народе.

В доме Orus Dei в Хельсинки нас 10 человек. Мы приехали из Стокгольма, Парижа, Бильбао, Кельна, Валенсии, Гранады, Буэнос-Айреса. Половина из нас – студенты. В свои 30 лет я среди самых старших. Почти все, кто живет в этом доме, играют на музыкальных инструментах. Что ни день мы поем – вдоволь, всласть, досыта – финскую и ирландскую эстрадную музыку, испанское фламенко и русские народные песни.

Между собой мы разговариваем на финском. Чувство юмора этих ребят поразительно. Юмор сплавливает и объединяет.

Он возвышает над окружающей действительностью и преобразует ее. Нигде больше не встречал я такого юмора. Это Божий дар. Он восполняет строгость и суровость финского характера.

Финны – поразительный народ.

Богат он или беден, финн довольствуется деревянным мезонетом с сауной на берегу озера. Ему больше ничего не нужно для счастья.

Финн не умеет лгать, но ему тяжело говорить всю правду. Ему тяжело быть искренним, раскрыть сердце нараспашку. Финн застенчив. Он боится того, что могут сказать о нем другие. Он боится думать не так, как другие, чувствовать не так, как другие, действовать не так, как другие.

Финны – противоположность русских: финн – замкнутый коллективист, русский же – общительный анархист.

Все мы любим холод и снег. Но никто не любит длинных зимних ночей. Меня эти долгие зимние ночи чаруют. Прогуливаться в метельном мраке по пустым улицам Хельсинки, когда направление дают лишь рождественские огни в окнах домов – божественное чудо.

Природа вокруг чиста и красива. Контрасты удивительны, переходы внезапны.

Летом на берегах Финского залива я работаю, читаю, размышляю. И бесконечно много плаваю.

Зимой 2002 года я получил письмо от Тобиаса, с которым не виделся уже 15 лет. Он решил приехать в Финляндию, чтобы повидать

меня. Тобиас – один из мальчиков, которых я подготовил к таинству миропомазания в 1987 году в Страсбурге по просьбе местного настоятеля. Ему тогда было 13. Сейчас ему 28, он выпускник парижского Института политических наук. Он собирается жениться.

С нами случилась поучительная история, о которой я рассказал в «Нравственном лидерстве».

Был февраль, и я хотел, чтобы он испытал все прелести северной зимы. Вместе с друзьями мы сняли на уик-энд небольшой дом на острове в архипелаге Финского залива. Был сильный мороз, и море было покрыто льдом, за исключением канала, пробитого для парома, ежечасно курсирующего между островом и материком.

В субботу вечером мы собрались в традиционной финской сауне. После первого 30-минутного «сеанса» мы с Тобиасом решили пробежать по льду и нырнуть в канал, чтобы охладиться. Но мы не предвидели, что возникнет проблема: как выйти обратно из воды на лед? Лестницы не было, а лед был скользкий. После нескольких безуспешных попыток выйти из ледяной воды мы вдруг поняли, что, если не произойдет чуда, мы погибнем через несколько минут.

Нам с Тобиасом предстояло заплатить слишком большую цену за нашу опрометчивость. По крайней мере, нас утешало то, что глубокая ночь, холодный ветер, луна и миллионы звезд будут сопровождать нас в последние минуты земного существования. Но внезапно я заметил, что морозный ветер, обдувавший мою мокрую кожу, высушил мои

руки, и они начали прилипать ко льду. Это дало мне возможность поднять ноги на лед и оказаться в безопасности. Затем я протянул руку вниз и вытащил Тобиаса из воды.

За исключением нескольких подобных трагикомических приключений, жизнь бедна на события.

Проходят годы, а ничего не происходит.

Так кажется. На самом деле это годы невероятной духовной напряженности.

Я часто размышляю над словами Эскривы: «Так ли важно, что сейчас приходится ограничивать свою деятельность? Зато потом, как отпущенная пружина, развернешься куда сильнее, чем когда-либо мечтал»¹.

Это слова, произнесенные святым Хосемарией во время гражданской войны в Испании, в июле 1937 года, когда он скрывался в Мадриде с горсткой своих духовных чад в крошечных помещениях дипломатического представительства Гондураса. Для него и его сыновей эта внешняя, вынужденная бездеятельность послужила толчком к невообразимому внутреннему росту.

Я прожил в Финляндии 18 лет и 24 дня.

¹ Х. Эскрива. *Путь*, № 12. СПб., 2006.

12. Таллинн — Вильнюс

В 1990-е годы я каждый месяц езжу в Таллинн, столицу Эстонии. Зимой нередко бывает, что Финский залив полностью покрыт льдом. Путешествие становится долгим: паром медленно продвигается по узкому каналу, проложенному ледоколом.

Но эта арктическая пустыня невероятно тепла, когда выходит солнце. У пассажиров, несмотря на суровость их финно-угорских лиц, на губах выступают улыбки: неудержимые улыбки, так как свет настолько ослепительный, что можно перепутать зиму с летом.

В Таллинне я преподаю право Европейского Союза студентам-юристам. Преподаю на английском.

Рождается новый мир. Коммунизм мертв, но либерализм, 100 лет назад породивший его, живет и здравствует. О причинах коммунизма никто не размышляет. Предпочитают жить сегодняшним днем и как можно скорей освоить новые, т. е. старые, правила игры.

Через свои лекции я стараюсь передать студентам жизненный идеал. Некоторые слушают меня с интересом, другие смотрят на меня, как смотрят в зоопарке на бегемота: с бесконечной жалостью.

Читаю курс лекций по христианской социальной философии. Он бесплатный, чтобы все желающие могли на него попасть. Он на русском, потому что все говорят по-русски.

Народу много.

Те, кто пережил ужасы коммунизма, хорошо знают, что задачи нашего курса огромны: узреть в человеке сына Божия – не то же самое, что узреть в нем орангутанга.

Я знакомлюсь с Лембитом Петерсоном, директором театра. Он принял крещение в католичестве в советскую эпоху. Он не боится крупно рисковать.

Лембит хочет спасти свой народ от нравственной анархии. Он хочет придать своей жизни смысл. Он ставит необычные пьесы, заставляющие задуматься. Лембит бегло говорит на французском и русском языках, хорошо знает эти две культуры. Он любит Чехова, любит и Клоделя. Мы проводим с ним вместе много времени в старом Таллинне. Старый Таллинн – самое романтическое и теплое место на земле. Мы сопоставляем наш опыт коммунизма и либерализма. Мы размышляем вместе. У Лембита трое детей, родившихся в советскую эпоху. Еще трое родятся у него в либеральное время. Он доверяет Богу. Это мой лучший друг. В Театральной школе многие из его студентов принимают крещение.

В апреле 1993 года в Хельсинки прилетает дон Альваро дель Портильо. Он решает заглянуть и в Таллинн.

Дель Портильо стоит во главе Opus Dei со смерти основателя в 1975 году. Иоанн Павел II рукоположил его в епископы в 1991-м.

В 1989 году дон Альваро дал мне «зеленый свет» на переезд в Финляндию. Сейчас он просит меня заехать с ним в Таллинн.

Путь занимает несколько часов. Мы едем небольшой группой. Мы молимся в католическом храме святых Петра и Павла, в протестантской церкви Святого Духа, в православном храме святого Александра Невского в Вышгороде.

В центре старого города, в библиотеке школы, где работает Лембит, к нам присоединяются мои эстонские друзья. Это семейные посиделки – мы сидим вокруг маленького журнального столика.

Дон Альваро на себе испытал зверства коммунизма. Когда в Испании разразилась гражданская война, ему было 22. За то, что он был практикующим христианином, его бросили в тюрьму, подвергли физическим и психологическим пыткам, заставили есть человеческие испражнения. Но дон Альваро не говорит о таких вещах. Он говорит о прощении и милосердии.

По своему темпераменту Альваро дель Портильо – противоположность святого Хосемарии Эскривы, но своими добродетелями он очень похож на него: этих двух гигантов отличает великодушие – устремленность сердца, ума и воли к великому.

Альваро – самый преданный сын основателя. Его предназначение – помочь святому Хосемарии осуществить божественную миссию, помочь с максимальной щедростью и мудростью, а после смерти основателя – продолжить его дело с максимальной верностью.

Это наша последняя встреча на этой земле. Он скончается в Риме 23 марта 1994 года, через несколько часов после Святой Мессы,

отслуженной им в Иерусалиме, в том же месте, где Христос совершил Тайную вечерю с апостолами. Папа Иоанн Павел II, узнав о его кончине, приходит помолиться у его останков. Вместо того чтобы прочитать заупокойную молитву, он запекает богородичный гимн в честь Небесной Царицы и произносит доксологию в честь Пресвятой Троицы. Иоанн Павел II, хорошо знавший дон Альваро, знает, что первый преемник основателя *Opus Dei* – святой и что святые не нуждаются в заупокойных молитвах¹.

Однажды – мне было тогда 24 года – дон Альваро обратился ко мне со свойственной ему простотой. Взяв меня за локоть, он сказал: «Александр, мне надо опереться на твою силу». Эти слова для меня – призыв быть верным начатому пути. Но теперь, после его ухода на Небо, это я опираюсь на его силу – силу этого великого ходатая, этого гиганта духа и сердца, который был для меня отцом.

В Эстонии я знакомлюсь с Майдо Рахулой, профессором математики в Тартуском университете. Майдо был еще ребенком, когда после Второй мировой войны его сослали с семьей в Сибирь. В Красноярске он женился на Ларисе. Лариса – русский математик. Вместе они стали членами коммунистической партии. В 1990-е годы, увлекшись теософией Николая Рериха, они открыли для себя христианство. Майдо лютеранин, Лариса православная. Они большие друзья святого Хосемарии Эскривы.

¹ По решению папы Франциска Альваро дель Портильо был причислен к лику блаженных 27 сентября 2015 г.

Майдо, мировой специалист по *теории катастроф*, трактует мне послание основателя Opus Dei с точки зрения *катастроф*. Я не понимаю, но не возражаю.

Лариса при смерти, у нее рак. Она спокойна: она исповедалась в своих грехах два месяца назад в Торресьюдадском святилище¹, в испанских Пиренеях. Это была первая и последняя исповедь в ее жизни.

Она приглашает к себе друзей, чтобы говорить с ними о Боге.

Пришла другая Лариса – Лариса Вольперт, еврейка. Вольперт – *женицина-гроссмейстер*: в 1950-е годы она трижды выигрывала женский чемпионат Советского Союза по шахматам. Сейчас она профессор французской литературы в Тартуском университете.

Лариса Вольперт слушает, как Лариса Рахула рассказывает ей об Эскриве.

Народ собирается вокруг умирающей. Все ищут Бога, каждый по-своему.

Мы хороним Ларису на православном кладбище перед Новым годом. На улице 25 градусов мороза. Светит солнце.

Летом открывается первый в Эстонии центр Opus Dei.

Езжу в Вильнюс, столицу Литвы.

Поборники *культуры смерти* подготовили законопроект, разрешающий искусственное оплодотворение. За этим проектом стоит

¹ Торресьюдад – испанская святыня, построенная по предложению святого Хосемарии Эскривы рядом с часовней, которая с IX века была центром народного почитания Богоматери в старом Арагоне. В 1904 г. в этой часовне мать святого Хосемарии посвятила своего сына Пречистой Деве.

крупный бизнес, и ведут его те, кто несколько лет назад были видными коммунистами. Их цель – обогатиться на продаже за границу человеческих эмбрионов – маленьких литовцев – по самой выгодной рыночной цене.

Донатас – врач из Вильнюса. Он испытывает одинаковое отвращение к либерализму и коммунизму. Он проводит конференцию в защиту жизни в бывшей Ратуше литовской столицы, на Рыночной площади. Донатас приглашает меня критиковать законопроект с юридической точки зрения.

Меня попросили говорить по-английски, но я предчувствую, что уровень владения английским в аудитории далек от совершенства: прошло только 10 лет после падения коммунизма. Я предлагаю присутствующим выбрать между английским и русским. Подавляющее большинство выбирает русский под всеобщий взрыв смеха. И защита человеческого достоинства осуществляется на языке Пушкина, который в Литве 50 лет использовали для распространения дьявольской идеологии.

Авторы законопроекта в самом начале текста упоминают «интересы ребенка».

«“Интересы ребенка”, – с этого я начинаю, – вот демагогическая формулировка, напоминающая мне преамбулу Конституции СССР и ее фантазмагорическую защиту “подлинной демократии для трудящихся масс”».

Культура смерти «любит» детей так же, как коммунизм «любит» рабочих... В этом законопроекте только ложь и манипулирование общественным мнением.

Говорю о Жероме Лежене, о его научном и нравственном свидетельстве, известном во всем мире.

Законопроект об искусственном оплодотворении не прошел. Донатас выиграл.

Спустя четыре года мне звонят из литовской столицы. У телефона Донатас: «Алекс, *культура смерти* идет в контратаку. Брюссель хочет навязать нам однополые браки. Проводим в литовском парламенте конференцию в защиту семьи. Ждем тебя».

Я улетаю в Вильнюс.

Говорю по-английски: «На основании марксистских тезисов большевики 70 лет пытались ликвидировать естественный институт семьи. Александра Коллонтай и Анатолий Луначарский – вот имена, оставившие горький след в истории. Семейная политика Европейского парламента – лишь продолжение этой программы!»

Донатас побеждает вновь. Литовский парламент подтверждает то, что знает человечество с незапамятных времен: семья основывается на брачном союзе мужчины и женщины.

В Вильнюсе есть место, куда я захожу всякий раз, когда бываю в этом городе. Имя этого места – *Ауширос Вартай*, Врата Утренние. Там находится икона Остробрамской Девы, Матери Милосердия. Эта икона, датирующаяся XVI веком, почитается католиками и православными. Она возвышается над городом, ее видно с улицы, видно издалека.

У Божией Матери я прошу всегда одного
и того же: да откроет Она врата России – Врата
Утренние – Делу Божию.

13. Миссия

В середине 1990-х годов мне предлагают прочесть курс лекций по европейскому праву на французском языке в Хельсинском университете. Многие студенты в нем заинтересованы.

Половину лекций я посвящаю истории Евросоюза, чтобы помочь аудитории проникнуть в сердца и умы его отцов-основателей: Робера Шумана, Жана Монне, Конрада Аденауэра, Альчиде де Гаспери.

Мои студенты открываются, высказываются, увлекаются. Многие из них подходят ко мне после занятий, чтобы поблагодарить за то, что я преподаю им вещи, о которых никто в университете не говорит.

Я хочу заниматься не обучением, а образованием. Меня интересует не *передача информации*, а *формирование личности*. Хочу, чтобы мои студенты расширяли свои сердца.

Главное в профессиональной компетентности – не теоретические или практические познания, а характер, т. е. нравственные привычки, глубоко укорененные в сердце, уме и воле. Современный университет все больше делает акцент на информации и все меньше – на воспитании характера. Он производит все больше *менеджеров* и все меньше *лидеров*. Он производит знание, но не производит мудрости. Производит технику, но не мужество. Он все больше обращает

внимание на *вещи* и все меньше – на *человека*. Кризис современного мира – не кризис информации, а кризис образования.

Я увлекаюсь лидерством: не «техническим» лидерством, основанным на стилях и методах, а «естественным» лидерством, в основе которого лежит характер. Лидерство, которое меня интересует, – это *фундаментальное*, извечное лидерство, такое, каким его понимали в античности.

Я погружаюсь в антропологию – аристотелевскую, конфуцианскую, иудео-христианскую. Анализирую жизнь и действия великих людей в политике, бизнесе, науке, религии, литературе, искусстве и спорте.

Я разрабатываю систему лидерства, в которой великодушие и смирение, величие и служение – специфические добродетели лидера, в то время как мужество, благоразумие, самообладание и справедливость – их основание. Я понимаю лидерство как искусство возвращать людей, способствовать их росту и достижению величия.

Я пытаюсь наладить контакт с мужчинами и женщинами, которые соответствуют этой модели. Я встречаюсь с Александром Солженицыным в его подмосковном доме, с Лехом Валенсой в его рабочем кабинете в Гданьске, с Франсуа Мишленом в штаб-квартире его компании в Клермон-Ферране. В сфере науки образцом для меня является Жером Лежен, которого я хорошо знаю.

За окном 6 октября 2002 года. Я в Риме, на площади Святого Петра. Иоанн Павел II

приступает к канонизации Хосемарии Эскривы. Полмиллиона паломников приехали со всех концов света, чтобы принять участие в этом событии.

Рядом со мной – Сергей из Санкт-Петербурга и Алик из Москвы.

Сергею 30 лет. Он экономист. Еще несколько лет назад он ничего не знал о христианстве. Я занимался с ним отдельно. Теперь он знает все. Почти все.

Алику 60 лет. Он талантливый поэт и член Союза писателей с 1979 года. Алик Зорин – духовный сын отца Александра Меня, убитого топором в 1990 году, ранним утром, когда он шел от своего дома к электричке, чтобы доехать до церкви и отслужить Литургию. 20 лет назад Мень познакомил Алика с учением Эскривы. Зорин вспоминает: «Весной 80-го года отец Александр, в домашней беседе со своими прихожанами, упомянул никому не известное имя Хосемарии Эскривы. Мы иногда записывали его беседы на магнитофон. По счастью, записали и эту. Вот его слова: “Сейчас, на протяжении уже нескольких десятилетий, существует на Западе организация *Opus Dei*, Дело Божье. Она распространяется повсюду, широко. Эскрива написал маленькую книжку «Путь». Это сборник афоризмов. Эскрива говорит, что быть христианином не значит жить, как обыватель, как мещанин, как язычник и лишь в воскресенье на пару часов где-то возноситься духом. Быть христианином, значит быть им всегда, повседневно, в самых обычных ситуациях и вещах”». «Путь» попал к Зорину в 1980 году в самиздате в виде машинописных листов папиросной бумаги с полуслепым

текстом (это был четвертый или пятый экземпляр). Широкую публику Алик познакомил с основателем Opus Dei в оригинальной статье, опубликованной в московском ежедневнике «Сегодня» от 27 августа 1994 года.

Иоанн Павел II произносит проповедь: «Возвысить мир к Богу и преобразить его изнутри: вот, дорогие братья и сестры, тот идеал, который указывает вам святой основатель».

На следующий день толпа паломников вновь собралась на площади Святого Петра, чтобы принять участие в благодарственном богослужении в связи с канонизацией святого Хосемарии. В конце литургии, отслуженной доном Хавьером Эчеваррией, прелатом Opus Dei, Папа приветствует Патриарха Феоктиста, главу Румынской Православной Церкви. Толпа удивлена и взрывается от радости. Сергей и Алик, православные, с трудом сдерживают волнение.

«Я пожелал, – говорит Иоанн Павел II Феоктисту, – чтобы ваш визит начался в рамках этой общей аудиенции, в присутствии стольких верующих, приехавших со всего мира. Люди, участвующие в этой первой встрече, – члены Opus Dei. Они пришли, чтобы выразить свою благодарность за канонизацию их основателя, Эскривы де Балагера. Я думаю, они довольны. Да помогут эти дни продвинуть наш диалог и укрепят нашу надежду. Пусть заставят нас лучше осознать то, что нас объединяет – общие корни нашей веры, наше литургическое наследие, наследие святых и мучеников,

которых мы вместе почитаем. Да поможет нам Господь в очередной раз осознать, как прекрасно и приятно призывать Его вместе».

Это год моего сорокалетия. Я начинаю преподавать свою систему лидерства в Финляндии, в странах Балтии, в Польше, в России, в Соединенных Штатах, в Кении. Преподаю бизнесменам, студентам университетов и вузов, директорам школ, политикам и государственным служащим. Преподаю на английском и русском, иногда – на французском и испанском.

Мой первый семинар проходит в Таллинне в августе 2004 года. Это семинар для директоров средних школ. Его инициатор – Лембит Петерсон, мой эстонский друг, директор театра.

Я писатель, но прежде всего – преподаватель: свои идеи я передаю *телом*, а не только пером.

Моя первая книга опубликована в Нью-Йорке в 2007 году под названием «Нравственное лидерство». К 2012 году она была переведена на 14 языков.

Больше всего радости мне принесло китайское издание, выпущенное Китайской Академией социальных наук: моя система лидерства не европейская, а всемирная. Разумеется, она вдохновлена христианством, но христианство – самая естественная и универсальная из всех религий, потому что это единственная религия, которая истинна в своей *полноте*. Христианская антропология понятна всем народам, она усваивает всю подлинную

информацию о человеке, обнаруженную с незапамятных времен, собирает, дополняет и упорядочивает ее.

У меня одна цель: распространять по всему миру понимание лидерства, соответствующее самым высоким требованиям человеческой природы и самым благородным стремлениям человеческого сердца. У меня одно желание: разжечь в сердцах огонь величия и служения, и превратить его в мощную привычку ума и воли.

У меня появляются новые друзья на четырех континентах. После Москвы центры нравственного лидерства открываются в Вашингтоне, Шанхае, Найроби и Мумбаи.

14. Москва

С 1992 года я руковожу командой переводчиков произведений святого Хосемарии Эскривы на русский язык. В 2002 году работа по переводу закончена, десяток книг опубликован в Москве. Качество окончательного текста исключительное. Наталья Трауберг, Надежда Муравьева, Александр Зорин – все эти переводчики еще и талантливые писатели.

«Путь» – первая книга основателя *Opus Dei*. Это его главный труд. С 1934 года было выпущено свыше 5 миллионов экземпляров этой книги. «“Путь”, – утверждает Александр Зорин, – написан поэтом. Динамика, ритм, энергия каждой фразы позволяют назвать ее стихом. В “Пути” ощутима поэтика библейских книг – Премудрости, Притчей. Поучения Эскривы – емкие, афористичные, как стихотворные строки, – близки к дидактической поэзии. Поучения, переведенные на русский язык, сохраняют нюансы поэтической речи, которые дополняют их содержание, обогащают смысл. Содержание, давно ставшее для меня сокровенным, отечески-близким»¹.

Однако первая книга Хосемарии Эскривы, которая будет опубликована в России, – не «Путь», а «Крестный Путь». Так распорядилось Божие Провидение: Страсти Христовы – это

¹ А. Зорин. *Художественное творчество в свете веры и учения Хосемарии Эскривы*. Доклад, прочитанный на конференции, проходившей в Риме с 8 по 11 января 2002 г., по случаю 100-летия со дня рождения блаженного Хосемарии Эскривы.

путь боли и скорби, но также путь надежды и победы. Россия прошла свою Голгофу, приближается час ее воскресения и триумфа.

В книге «Борозда», написанной в 1930-е годы, Эскрива предчувствовал эту победу: он говорит о России, «такой бесплодной сегодня, которая со временем принесет обильные плоды...»¹.

В конце 1990-х годов с группой друзей мы проводим акцию солидарности в Москве, Санкт-Петербурге и их окрестностях. Каждый год мы собираем около тридцати студентов из разных европейских стран, помогаем малообеспеченным семьям ремонтировать квартиры и участвуем в восстановлении церквей, разрушенных коммунистами.

Студенты работают в будние дни и отдыхают в выходные, посещая малолетних преступников в тюрьмах. Во дворе Тихвинской тюрьмы, в 200 километрах к востоку от Санкт-Петербурга, подростки-заключенные играют в футбол с ирландскими студентами. И тем и другим тяжело скрыть свое волнение.

18 апреля 2006 года дон Хавьер Эчеваррия, второй преемник святого Хосемарии Эскривы во главе *Opus Dei*, впервые ступает на русскую землю.

Его поездка начинается во вторник, следующий за латинско-католической Пасхой, и заканчивается в русско-православное Светлое Христово Воскресение. Он посещает Москву, Санкт-Петербург и Пушкин. Мы небольшой

¹ Х. Эскрива. *Борозда*, № 617. М., 1994.

группой сопровождаем его. Он напряженно молится в католических и православных храмах. Моему другу Мише, петербургскому журналисту, он говорит: «После возрождения Церкви в России на вас лежит ответственность за возрождение Церкви в Европе и во всем мире».

25 июня 2007 года в Хельсинки я сажусь в поезд «Лев Толстой». Еду в Москву. В последние 10 лет мне приходилось очень часто ездить на этом поезде. Но на этот раз – и в этом вся разница – у меня нет обратного билета.

26 июня 2007 года я обосновываюсь в Москве. Отец – дон Хавьер Эчеваррия – попросил меня войти в команду членов Дела, которая переезжает в Россию. Нас пятеро: из Финляндии, Литвы, Италии, Испании и Мексики.

Opus Dei в России – чтобы учиться. Чтобы получать от русского народа новое вдохновение и новую силу. Чтобы давать русскому народу святого Хосемарию, давать его отцовство, его дух, который универсален, потому что укоренен в великой традиции Церкви с первых дней христианства.

Россия – страна мучеников. Я чувствую их присутствие и заступничество. Я знаю, что они окружают меня. Дьявол хочет свести на нет смысл и ценность их жертвы. Он хочет сделать эту кровь бесполезной.

Мой друг, итальянец, приглашает меня в ресторан в центре Москвы. Пока мы беседуем,

со второго этажа отвесно падает нож, пролетает мимо моего носа и разбивает мою тарелку пополам. Официантка не дает объяснений, но предлагает скидку в 20 %.

Пишу вторую книгу: «Сотворенный для величия: лидерство как жизненный идеал».

«Сотворенный для величия» – углубление «Нравственного лидерства». Эти две книги составляют одно целое. «Сотворенный для величия» подробно описывает великодушие (величие) и смирение (служение) – специфические добродетели лидера, и объясняет, как возвращать в себе эти качества. В этой книге я утверждаю, что лидерство – жизненный идеал, который признает, усваивает и распространяет истину о человеке.

Этой второй книгой я завершаю свою систему.

Я преподаю в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Краснодаре, Казани, Уфе, Нальчике, Новороссийске... Читаю лекции в Украине и Казахстане. Провожу занятия в университетах и на предприятиях.

«Теперь я понимаю, какую Россию мы потеряли в 1917 году», – говорит мне директор по персоналу одного крупного российского банка по окончании семинара по нравственному лидерству. Этот комплимент доставляет мне удовольствие. Он – для бабушки Нины и дедушки Павла.

Мой подход к нравственному лидерству в самом деле очень русский. Читатели из Соединенных Штатов, Европы, Китая, Африки поражены: литература о лидерстве в основном

американская, а вот сейчас – книга, в которой преобладают русские источники и русский дух. Это необычно, неожиданно, ново.

Лидерство – не техника, а способ бытия. Прежде чем решать вопрос «что делать», надо решить вопрос «кем быть». «Кем быть» – вопрос нравственный, на который пыталась отвечать вся великая русская литература XIX века. На этот вопрос и пытается отвечать *нравственное лидерство*.

Коммунизм, как и вообще всякая идеология, приводит к антропологической катастрофе. Идеология закаляет волю, но разрушает разум и истощает сердце. Она закаляет волю, потому что напряженно устремлена к цели. Она разрушает разум, потому что примитивно отрицает природу вещей. Она истощает сердце, потому что питает его фальшивой надеждой.

После 70 лет коммунизма пришлось восстанавливать разум и сердце. Рыночная экономика оживляет разум, поскольку она стремится удовлетворить *реальные* материальные потребности людей. Но рыночная экономика сама по себе делает людей более разумными лишь в том, что касается рынка. Нужно дополнить «материальный разум» мудростью, т. е. способностью понимать человеческую душу и удовлетворять ее самые глубокие потребности. К сожалению, на место теоретического материализма (марксизма) пришел материализм практический (избыточное потребление), парализующий волю: он разжигает самые низкие страсти и эмоции, и препятствует практике самообладания и мужества. Более того, он снова

порабощает сердце: потребление становится целью и смыслом жизни.

Прошло 20 лет, и вот – русское сердце, истощенное идеологией и поработанное материей, все еще живо. Оно громко вопиет о своих утраченных правах.

Нравственное лидерство – ответ на этот отчаянный крик души.

Для моих студентов добродетель – понятие новое и увлекательное. Конечно, всегда есть некий процент скептиков и циников, не верящих в добро и благородство. Но это меньшинство, их очень мало.

Иногда встречаюсь с мужчинами и женщинами, которые, кажется, все понимают, но на самом деле не понимают ничего. Вот женщина, директор по обучению в московской компании. Едва мы начали обсуждать результаты моего преподавания, как она предлагает мне провести ночь в ее постели.

Меня больше всего понимает студенческая молодежь.

Париж, март 2010 года. Похороны брата. Степан погиб в море, занимаясь дайвингом. Ему было 49 лет. Спасибо, Боже, что ты дал мне брата, такого брата!

На похоронах встречаюсь с друзьями моего детства. Большинство из них я почти четверть века не видел. Узнаю, что из наших тогда близких друзей многие живут сейчас в гомосексуальном партнерстве.

«Алекс, – говорит мне Жак, – искать Бога можно по-разному; я убежден, что мы с тобой духовно ближе, чем ты можешь себе

представить!». Жак... Он 10 лет жил с парнем, а вот недавно при помощи зарубежной суррогатной матери у него родились двойняшки.

Можно подавлять в себе совесть и целиком лишиться чувства греха. Но если не получается, если совесть не дает нам покоя и терзает нас, можно выбрать путь максимального извращения: можно назвать грех добродетелью, зло добром и христианским подвигом... Жак, Жак! Очнись, старик! Не все потеряно! Не все погублено!

Запад стремительно погружается в идеологическое мракобесие. А Россия, что будет с Россией? Сможет ли она защищаться? Сможет ли она спасти Запад?

В Санкт-Петербурге я занимаюсь с группой протестантов. Тамара, художница, любезно дарит мне некоторые свои картины. Они замечательны. Она хочет подарить мне еще. Я предлагаю ей нарисовать дом Нины на Васильевском острове и даю адрес.

Она пишет: «Хорошо, когда человек имеет переживание, называемое “родной дом”. Потому что нормальные эмоциональные реакции от Бога. Я почти всю жизнь прожила в коммуналке. Потом мы переехали, и я удивлялась, что долго не хотела даже подходить к той улице, где жила раньше. Теперь я очень благодарна Богу за жилье, впервые у меня есть своя комнатка, но говорю “дом, где я живу”. Не могу сказать “мой дом”. Недавно подходила к углу 4-й линии и Большого проспекта Васильевского острова, где жила Ваша бабушка, и на меня нахлынуло такое замечательное

тепло... Нет, это не родной дом и даже не дом родного мне человека. Но теперь я знаю, что это такое. Это важно».

Нина действительно знала тепло домашнего очага. Однако, проходя мимо здания, где она жила с семьей в начале прошлого века, я думаю прежде всего о ее матери: «Мама просыпалась очень поздно, – рассказывает Нина в своих мемуарах. – Она завтракала в кровати и подзывала нас к себе, чтобы обнять и поцеловать. Она много времени тратила на туалет и выходила из комнаты лишь ближе к полудню. У нас было раз и навсегда принято, что мама не умела ничего делать: ни шить, ни заниматься домом и детьми, – и что ей было совершенно невозможно посвятить себя какому-либо занятию. Она была избавлена от всяких забот обожавшей ее семьей»¹.

В апреле 2004 года я встретился с Александром Солженицыным в его доме в Троице-Лыкове. Он сказал мне: «Вы – внук первой волны эмиграции, представитель третьего поколения русских, живших за границей. Чтобы говорить по-русски так, как вы, надо действительно любить Россию».

Эту любовь к России вложил мне в сердце Святой Дух, когда мне было 15 лет.

2 августа 2012 года. Утром был в УФМС: ФСБ мне отказывает в виде на жительство на основании статьи 7.1 закона о правовом положении иностранных граждан: своими действиями я создаю угрозу безопасности

¹ N. Anossov. *Adieu Russie, Souvenirs*. Librairie des Cinq Continents. Paris, 1978. С. 33.

Российской Федерации.

Возможно, им кажется подозрительным мое выступление в Академии Генерального штаба американской армии в октябре прошлого года. Однако чтение лекции по нравственному лидерству высшим офицерам американской армии *не обязательно* значит, что я шпион ЦРУ.

19 октября 2012 года. Я переступаю порог здания ФСБ в центре Москвы. «Органы» назначили встречу на 10 часов. Я им рассказываю свою историю. Они меня слушают. Мое будущее в России зависит от Федеральной службы безопасности... и всемогущей воли Предвечного Отца.

Я предчувствую, что в моей жизни готовится новый поворот. Это не конец прекрасного приключения, а начало новой эпопеи.

Заключение

Хавард – моя фамилия. Французское *Havard* – историческое преобразование английского *Howard*. Ховард, по семейному преданию, – английский рыцарь, осевший во Франции в начале XII века.

Хавард – фамилия, данная мне по ошибке: это фамилия моей прабабушки. Моя настоящая фамилия – Дианин. Она отсылает к Диане, богине охоты и луны в древнеримской мифологии.

Но я чрезвычайно люблю фамилию моей матери – Гедеванишвили, так как она вызывает в памяти образ нашего общего предка Гедеона. Гедеон – это грешное человечество, искупленное им же пролитой кровью.

Мишель – мое первое имя. Это имя, которым меня называли в школе.

Александр – мое второе имя. Этим именем меня зовут с университетских лет.

Алекс – имя, которое мне дали в Финляндии, так как его легче склонять. В финском языке 16 падежей.

В России меня зовут Алекс или Саша, без разницы.

Дома меня всегда называли Тато.

Тато – мое настоящее имя, это имя, которое произносит Бог, когда зовет меня. Это моя собственная сущность.

В папахе. Москва, 2013 г.